

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**МАТЕРИАЛЫ
XXXIII
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Выпуск 1

СЕКЦИЯ БАЛТИСТИКИ

**БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА,
ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

Тезисы докладов

5–6 марта 2004 г.

Санкт-Петербург

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2004

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**МАТЕРИАЛЫ
XXXIII
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Выпуск 1

СЕКЦИЯ БАЛТИСТИКИ

**БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА,
ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

Тезисы докладов

5–6 марта 2004 г.

Санкт-Петербург

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2004

Ответственный редактор:

А. В. Андронов

© Коллектив авторов, 2004

© Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета, 2004

Санкт-Петербургский
государственный университет

5–6 марта 2004 г.

От редактора

Нынешняя конференция посвящена традиционно наиболее развитому аспекту исследования балтийских языков — историческому. Кроме основных тем — исторической грамматики и истории литературного языка — в докладах освещаются проблемы текстологии и истории памятников письменности, истории науки, представлены попытки осмысления языкового развития с позиций теоретического языкознания.

Наряду с ежегодными конференциями развитие балтистики в Петербурге связано с работой созданной пять лет назад специализации для студентов старших курсов, результат работы которой теперь налицо: выпускники, образовавшие первое поколение аспирантов-балтистов на филологическом факультете, участвуют в нашей конференции вместе с известными лингвистами. Накопленный за эти годы опыт и подготовленные учебные материалы, выпускники специализации, ставшие преподавателями, появление на кафедре общего языкознания латышского лектора, регулярное приглашение для чтения курсов учёных из Латвии и Литвы, дружеская поддержка и активное содействие наших прибалтийских коллег, внимание администрации факультета и университета — эта наша совместная работа позволяет в 2004 году открыть в СПбГУ первое в России самостоятельное отделение балтийской филологии с пятилетним учебным планом.

Конференции по балтистике в СПбГУ

(время проведения — первая неделя марта)

- 1998 г. Круглый стол «Балтийская филология»
- 1999 г. Фонетика и акцентология
- 2000 г. Морфология и словообразование
- 2001 г. Синтаксис
- 2002 г. Лексикология и лексикография
- 2003 г. Этимология и ономастика
- 2004 г. *Историческая грамматика, история литературного языка*
- 2005 г. Диалектология
- 2006 г. Стилистика и культура речи
- 2007 г. Психолингвистика, социолингвистика, компьютерная лингвистика
- 2008 г. Круглый стол «Балтийская филология»: 10 лет спустя

Секретарь организационного комитета

Алексей Андронов

e-mail: aleksey.andronov@lycos.com

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания
Университетская наб., 11
199034 Санкт-Петербург, Россия
тел. (7 812) 328 95 10
факс (7 812) 328 97 65

St. Petersburg State University
Philological faculty
Department of General Linguistics
Universitetskaya nab., 11
199034 St. Petersburg, Russia
phone (7 812) 328 95 10
fax (7 812) 328 97 65

<http://www.genling.nw.ru/baltist/baltist.htm>

Алексей Викторович Андронов (Санкт-Петербург)

В поисках петербургского экземпляра Катехизиса М. Даукши

Единственный известный в настоящее время экземпляр Катехизиса М. Даукши (изданного в Вильнюсе в 1595 г.) хранится в отделе редких изданий библиотеки Вильнюсского университета (шифр L_R 4165). Этот экземпляр в 1884 году в Виленской публичной библиотеке обнаружил Э. А. Вольтер и в 1886 году перепечатал его [Вольтер 1886]. В 1915 году в связи с приближением линии фронта во время первой мировой войны этот экземпляр вместе со многими другими редкими книгами был перевезён в Россию и до 1956 года хранился в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве. В конце 1956 или начале 1957 года он был возвращён в библиотеку Вильнюсского университета [Daukša 1995: 17].

Первое упоминание о Катехизисе М. Даукши (до тех пор о его существовании не было известно) относится к 1861 году, когда в газете «Виленскій Вѣстникъ — Kuryer Wileński» была опубликована статья «Заметки о древнейших виленских изданиях на литовском языке», подписанная инициалом «Б.» с указанием места и даты «Санкт-Петербург, 26 июня 1861 года» [Беркгольц 1861]. В статье приводится точное библиографическое описание Катехизиса М. Даукши на основании экземпляра, хранящегося в Императорской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. Автором статьи считается сотрудник отделения Россики (Rossica) Императорской Публичной библиотеки Егор Егорович Беркгольц (Georg Berkholtz) [Biržiška 1926: столбец 20; Lebedys 1971: 11], которому принадлежит, таким образом, приоритет открытия самой древней сохранившейся литовской книги из изданных в Великом Княжестве Литовском.

Других известий о петербургском экземпляре с тех пор опубликовано не было и в самой библиотеке прямых свидетельств наличия этого издания пока обнаружить не удалось. Книги на литовском, латышском, эстонском и финском языках не включались в издававшиеся в 1860 и 1873 гг. каталоги собрания Россики. В «Списке литовских и древнепрусских книг...» С. О. Балтрамайтиса [1892; 1904], работавшего с литовскими книгами из собрания Россики, которым в то время заведовал К. Ф. Фетерлейн [Балтрамайтис 1982: I], Катехизис М. Даукши описывается по изданию Вольтера с указанием, что это «Unicum» Виленской публичной библиотеки [Балтрамайтис 1904: 4]. Ссылка на статью Е. Е. Беркгольца приводится в издании Э. А. Вольтера, но без какого-либо комментария относительно автора статьи (которого Э. А. Вольтер называет «некто г. Б. из С.-Петербурга») и судьбы петербургского экземпляра [Вольтер 1886: XV]. Эту ссылку без комментария повторяет и С. О. Балтрамайтис [1904: 4].

В. Биржишка упоминает попытку библиотекаря Императорской Публичной библиотеки и профессора Римско-католической духовной академии А. Д. Ивановского найти Катехизис, обратившись за помощью к жемайтскому епископу М. Валанчюсу: «5 XI 1863 библиотекарь Петербургской публичной библиотеки А. Ивановский обратился к епископу Валанчюсу с просьбой послать через деканаты письмо, нет ли где-нибудь этого катехизиса, заголовок которого А. И. полностью сообщает, и если бы таковой нашёлся, просил прислать в Петербург в Публичную библиотеку или Духовную академию на имя ректора, так как там хотят его перепечатать. 27 XI 1863 епископ Валанчюс необходимый циркуляр издал с требованием, если найдётся, прислать ему, чтобы перепечатать; в тот же день он сообщил об этом Ивановскому» [Biržiška 1935: столбец CCVI]. Биограф М. Валанчюса А. Алякна описывает

аналогичную попытку каноника Петербургской Римско-католической духовной академии Ю. Ивашкевича найти катехизис через М. Валанчюса [Aleksna 1922: 270].

Соответствующий циркуляр М. Валанчюса (список, датированный 26 ноября 1863 г.) хранится в собрании рукописей библиотеки Института литовской литературы и фольклора (шифр: F1-680, лист 65). Письмо А. Ивановского М. Валанчюсу и ответ М. Валанчюса, упоминаемые В. Биржишкой, пока найти не удалось¹.

Проф. В. Жукас на основании исследований В. Биржишки и Ю. Лябядиса делает вывод, что вскоре после публикации статьи Е. Е. Беркгольца этот экземпляр из библиотеки пропал, с чем и были связаны предпринятые А. Д. Ивановским поиски [Žukas 1989: 91]. Однако в материалах общих собраний библиотекарей Императорской Публичной библиотеки (так называемых «Мемориях») есть любопытное сообщение самого А. Д. Ивановского, которому было поручено выбрать из протоколов этих собраний наиболее интересные для последующей публикации. Описывая октябрьское собрание 1864 года, А. Д. Ивановский пишет: «Приняты к сведению 2 заявления: 1. от г. Соболяшкова (заведующего отделением Россики — А. А.) о невозвращении в отечественное отделение (название отделения Россики в то время — А. А.) мл. Библиотекарем Ивановским Катехизиса на литовском языке, изданного в Вильне 1599 г. (очевидно, ошибка вместо 1595 г. — А. А.), взятого им под расписку, которая и была представлена в собрание гг. Библиотекарей... В следствие этих заявлений назначен был срок г. Ивановскому к возвращению в б-ку этого катехизиса к новому 1865 году...» [Архив РНБ, Фонд 1, оп. 1, 1866 г., № 20: лист 3 об.].

Был ли возвращён Катехизис в библиотеку А. Д. Ивановским и зачем ему понадобилось искать ещё в 1863 году другой экземпляр в Литве, пока остаётся неясным, поэтому для продолжения наших поисков открыто ещё много путей...².

Литература

- Балтрамайтис 1892, 1904 — С. Балтрамайтис. Список литовских и древне-прусских книг с 1553 по 1891 г. СПб., 1892; 2-е изд. (...по 1903 г.) СПб., 1904.
- Беркголец 1861 — Б(еркголец Е. Е.) Заметки о древнейших виленских изданиях на литовском языке. // Виленский вестник, 1861, № 60, с. 587 (то же на польском языке: Виленский вестник, 1861, № 56, с. 558).
- Вольтер 1886 — Литовский катехизис Н. Даукши. По изданию 1595 года вновь перепечатанный и снабжённый объяснениями Э. Вольтером // Записки Императорской Академии наук, Т. LIII, приложение № 3. СПб., 1886.
- Aleksna 1922 — A. Aleksna. Žemaičių Vyskupas Motiejus Valančius. Kaunas, [1922].
- Biržiška 1926 — V. Biržiška. Lietuvių knygų bibliografija. I. XVI–XVIII amž. Kaunas, 1926.
- Biržiška 1935 — V. Biržiška. Lietuvių bibliografija. IV dalis. I tomas. Kaunas, 1935 (раздел „Lietuvių bibliografijos pirmosios dalies (XIII–XVIII amžius) tretieji papildymai“).
- Daukša 1995 — Mikalojaus Daukšos 1595 metų katekizmas. / Parengė V. Jakštienė ir J. Palionis. Vilnius, 1995.
- Lebedys 1971 — J. Lebedys. Mikalojaus Daukšos bibliografija. Vilnius, 1971.
- Mažiulis 1966 — V. Mažiulis. Prūsų kalbos paminkai. Vilnius, 1966.
- Žukas 1989 — V. Žukas. Lietuvių knygotyros bruožai. Vilnius, 1989.

¹ За отзывчивость и содействие в поисках благодарю профессора Витаутаса Мяркиса.

² Исследование вопроса о петербургском экземпляре Катехизиса М. Даукши ведётся нами совместно с хранителем фонда Россики Ией Гавриловной Яковлевой, чья неиссякаемая энергия, профессионализм и преданность Библиотеке достойны восхищения и заслуживают искренней благодарности.

Благодаря настойчивости Ии Гавриловны был попутно отыскан экземпляр II прусского катехизиса (Catechismus in preussnischer sprach, gecorrigiret und dagegen das deüdsche. Königsberg, 1545), считавшийся пропавшим из библиотеки с конца первой мировой войны [Mažiulis 1966: 36]

— шифр: Рш $\frac{9}{73}$.

Andrejs Bankavs (Rīga)

Gallicismu loma latviešu valodas vēsturē

Gallicismi (resp. aizguvumi no franču valodas) vienmēr ir papildinājuši latviešu valodu ar jaunām leksiskām un frazeoloģiskām vienībām; tas nav palicis nepamanīts latviešu valodniecībā.

Gallicismu sistemātiska izpēte sākās 20. gs. 80. gados. Pirmajā desmitgadē tika:

- apzinātas galvenās tematiskās gallicismu grupas;
- noteikti gallicismu kvantitatīvie parametri;
- precizēti gallicismu ieplūšanas ceļi;
- apzināta starpniekvalodu (vācu, krievu) loma;
- izstrādāta gallicismu periodizācija;
- analizēta gallicismu vēsturiskā izplatība Baltijas jūras baseina kaimiņvalodās (vācu, poļu, igauņu), ņemot vērā arī senbaltkrievu un Smoļenskas apgabala lingvistikas datus;
- pētītas gallicismu semantiskās izmaiņas (tulkotāju viltus draugi).

Tuvākajā perspektīvā būtu nepieciešams turpināt pētījumus šādos virzienos:

- gallicismu ienākšanas brīdis (pirmā fiksācija) latviešu valodas tekstos;
- lietuviešu valodas materiāla piesaiste;
- lietu vēstures pētīšana;
- gallicismu cilmes un starpniekvalodu vieta aizgūšanas procesā;
- etimoloģisko norāžu precizēšana etimoloģiskās vārdnīcās;
- vācu valodas atsevišķo dialektu lomas noteikšana, it īpaši Baltijas reģionā;
- franču reģionālās leksikas vieta;
- citu frankofono valstu vieta gallicismu izplatībā.

Оярс Бушс (Рига)

Маргиналии Христофа Хардера (1828) — памятник истории лексики латышского литературного языка

Немецкий пастор Христоф Хардер (1747–1818) был одним из лучших знатоков латышского языка того времени (а по мнению его зятя, тоже пастора, Арнольда Веллига, латыша по происхождению — самым лучшим). Его перу принадлежат как исследования этого языка, так и публикации весьма разного характера на латышском языке. Маргиналии (или «Исправления и дополнения») Х. Хардера на полях словарей Готфрида Фридриха Стендера (*Berichtigungen und Ergänzungen zu Stender's lettischem Lexikon*) уже после смерти их автора опубликовал А. Веллиг [Wellig 1828]. Краткую характеристику этого лексикографического издания дала Дайна Земзаре, основное внимание уделив представленной в нём заимствованной лексике [Zemzare 1961: 200–206], однако эти маргиналии содержат в себе ещё немало другого любопытного материала, на который до сих пор в лингвистической литературе не было обращено достаточного внимания.

Что позволяет считать маргиналии Х. Хардера не просто историческим источником лексики, но и памятником лексики именно литературного языка? Во-первых, это теоретическая установка самого Х. Хардера. В предисловии к «Исправлениям и

дополнениям» он в качестве одной из своих целей называет проведение границы между словами, которые употребляются повсюду, где говорят по-латышски, и которые, следовательно, должны быть принадлежностью всеобщего книжного языка (*allgemeine Büchersprache*), и словами узко локального употребления (*Bastarden.., die nur in einigen geringern Gegenden gebräuchlich und verständlich sind*) [Wellig 1828: XXII]. Во-вторых, содержание «Исправлений и дополнений» недвусмысленно демонстрирует тенденцию к нормированию, характерную именно для литературного языка (и дающую возможность сопоставить лингвистические представления Х. Хардера с последующим реальным состоянием и развитием лексики латышского литературного языка).

Х. Хардер достаточно хорошо понимал, что его собственный опыт в отношении латышского языка тоже является локально ограниченным. Поэтому, когда целый ряд слов из словаря Г. Ф. Стендера представляются для него чужими, неизвестными, он вполне корректно пишет: «*sind mir unbekannt*» или «*habe nicht gehört*». Такие слова Х. Хардер находит почти на каждой странице словаря Стендера. Большинство этих слов действительно так и не стали принадлежностью литературного языка, напр., *mījāties* (примеры здесь и далее пишутся в соответствии с современной орфографией), *mulmis, nāragš, ķērdums, ķērpīņi, blenze, blinda, bludīt, struga, teldes, vailums, valksne*. Однако не так уж мало и слов, бывших неизвестными Х. Хардеру, но хорошо знакомых сегодня, представленных и в современных словарях латышского литературного языка, напр., *apogs, arods, astri, austrums, avens, balva, bangas, pažobeles, sumbrs, vairīties, valbīt acis, vērmeles*.

В свою очередь, среди слов, предложенных Х. Хардером в качестве дополнений, при некотором количестве ныне общелитературных (напр., *ēde, nobendēt, gluži, palaunags, rauna, raupjš, pavalstnieki*) больше, пожалуй, все-таки тех, которые нынче ушли из активного употребления. Среди слов последней группы большинство, по-видимому, составляют историзмы (в основном слова, связанные с ушедшими в прошлое способами хозяйственной деятельности и приспособлениями для неё, напр., *ālēt* ‘mit treibenden Netzen fischen’, *ailis* ‘Stütze an den Fischwehren, um die Fiskörbe daran zu befestigen’, *apmuči // uzmuči* ‘eine Art ganz simpler Halster für die Pferde’). Однако встречаются среди этих слов, т. е. дополнений Хардера, и любопытные архаизмы, напр., итератив *blaižīt* (ср. *bliezt*).

Однако наибольший интерес привлекают к себе толкования или уточнения значений слов, представленных уже в словаре Стендера. Нередко Х. Хардеру удается сформулировать весьма меткие и удачные толкования и пояснения. Так, например, хорошо объяснена разница между *adīklis* и *adījums*, весьма детально показана семантика прилагательного *biezs*, раскрыты смысловые оттенки, дифференцирующие глаголы *aicināt, lūgt, saukt*. В то же время иногда создается впечатление, что Х. Хардер ошибся, однако вполне возможно, что в большинстве таких случаев его маргиналии лишь отражают языковую действительность того времени. В качестве примера можно назвать утверждение, что глагол *audzināt* означает лишь ‘растить’, но не ‘воспитывать’, или что *balss* — это только слышимый голос, но не голос на выборах, и поэтому неправильно задавать вопрос: «*Kam tu dodī savu balsi?*» — «*..da doch wohl keiner Willens ist, seine Stimme oder Sprache wegzugeben und nun selbst stumm zu bleiben*» [Wellig 1928].

Литература

Wellig 1828 — Beiträge zur lettischen Sprachkunde, herausgegeben von Arnold Wellig. Mitau.
Zemzare 1961 — Zemzare D. Latviešu vārdnīcas (līdz 1900. gadam). Rīga.

Daiktavardžio ir įvardžio genityvo postpozicija XVI–XIX a. lietuvių rašomojoje kalboje

Dabartinėje lietuvių kalboje dominuojanti daiktavardžio ir įvardžio genityvo prepozicija gerokai skiriasi nuo pirmuosiuose rašto paminkluose užfiksuotos tendencijos genityvo pažyminius dažniau vartoti postpoziciškai. Išimtį sudaro tik kiekybės santykius nusakantis genityvas — bendrinės kalbos norma yra jo postpozicinė vartoseną (*kašnelis duonos*). Tačiau šiuo atveju pozicijos įvairavimas gali atlikti reikšmės skyrimo funkciją (*duonos kašnelis*). Senojo laikotarpio tekstuose randami postpozicijos atvejai iki šiol dažniausiai laikomi tik pažodinio vertimo rezultatu.

Genityvo pažyminys lietuvių kalboje daug plačiau išsigalėjęs nei kitose giminiškose kaimynų kalbose. Ten dažnesnis būdvardinis pažyminys, įvardžiai derinami su pažymimuoju žodžiu. Tiek lietuvių, tiek latvių kalbos prepozicine genityvo vartoseną artimos finų kalboms.

Tiriant genityvo vietą XVI–XIX a. rašomojoje kalboje buvo atlikta šių rašto paminklų statistinė analizė: K. Sirvydo „Punktų sakymų“ I dalies; ištraukų iš J. Bretkūno postilės (1–100 psl.), M. Daukšos postilės (377–408 psl.) bei K. Lukausko pamokslų (25–118 psl.); A. Baranausko rinktų Rytų Lietuvos tarmių tekstų „Litauische Mundarten“ (1–116 psl.); A. Tatarės, M. Valančiaus, P. Gomalevskio ir J. S. Dovydaičio didaktinės prozos tekstų bei pirmųjų lietuviškų laikraščių „Aušra“, „Varpas“ ir „Tėvynės Sargas“. Iš viso išanalizuota per 14 000 tūkstančių junginių su atributiniu genityvu dėmenų tvarka. Didžiausias dėmesys buvo kreiptas į postpozicinės vartosenos atvejus: bandoma paieškoti jos priežasčių ir motyvų. Taip pat siekta nustatyti, kuriuo laikotarpiu prepozicinė vartoseną lietuvių kalboje ima vyrėti.

Visuose analizuotuose XVI–XVII a. tekstuose (Bretkūnas, Sirvydas, Daukša) ryški daiktavardžio genityvo postpozicijos persvara (nuo 68 iki 87 %). Įvardžio genityvo vieta minėtuose šaltiniuose skiriasi iš esmės: Sirvydo ir Daukšos tekstuose dominuoja postpozicija (nuo 70 iki 84 %), o Bretkūno — prepozicija (68 %). XVIII a. pabaigoje parašytuose Lukausko pamoksluose abiejų genityvų postpozicinė vartoseną ypač ryški (daiktavardžio 95 %, o įvardžio 76 %). Daugumoje XIX a. vidurio didaktinės prozos tekstų postpozicinis daiktavardžio genityvas taip pat dažnesnis (nuo 68 iki 79 %), išskyrus M. Valančiaus apysakas (47 %). O įvardžių genityvai šiuose tekstuose dažniau pasakomi prieš daiktavardį (nuo 62 iki 74 %). Panašiu metu Baranausko užrašytuose tarmių tekstuose daiktavardžio genityvo postpozicijos atvejai taip pat dažnesni (58 %), tačiau įvardžio genityvo prepozicija dominuoja (86 %). Pirmuosiuose laikraščiuose daiktavardžio genityvo postpozicinės vartosenos atvejų skaičius ima staigiai mažėti, bet „Aušroje“ ir „Varpe“ dar siekia apie trečdalį, o „Tėvynės Sarge“ beveik penktadalį. Postpoziciškai pavartoti įvardžių genityvai šiuose publicistikos tekstuose neviršija 8 %.

Daiktavardžio genityvo vieta gali įvairuoti tose pačiose frazėse be ryškesnio reikšmės skirtumo, pvz., genityvų *Dievo* „Punktuose sakymų“ prepoziciškai pavartota 38 %, o postpoziciškai 62 %, Bretkūno postilėje atitinkamai 58 % ir 42 %. Šitoks žodžių tvarkos įvairavimas frazėje rodo, kad daiktavardžio genityvo pozicija senojoje lietuvių kalboje nebuvo griežčiau apibrėžta. Tik kai kuriais atvejais postpozicinę vartoseną galėjo palaikyti bei skatinti lotynų ir lenkų kalbos. Postpozicinis genityvas stipriau akcentuojamas, kai gauna kontrasto kirtį. Tačiau neretai jis nukeliamas po pažymimojo žodžio siekiant labiau išryškinti kitus sakinio žodžius ar žodžių grupes, ypač tais atvejais, kai reikia stumtelėti iš neinformatyvaus sakinio galo į ryškesnę priešpaskutinę poziciją didesnę informacijos krūvį turinčius žodžius.

Атрибутинėse konstrukcijose iš trijų ar daugiau dėmenų derinamieji komponentai paprastai vartojami prepoziciškai, o genityvas postpoziciškai (*liuosos kultūros Europos*).

Įvardžio genityvui būdingesnė prepozicija daiktavardžio atžvilgiu. Postpozicijos dominavimas Sirvydo ir Daukšos ir Lukausko pamoksluose sietinas su kitų kalbų įtaka. Įvardžio genityvus vartojant postpoziciškai dažniausiai labiau pabrėžiamas prieš juos einantis daiktavardis.

Publicistikos tekstų analizė rodo, kad XIX ir XX amžių sandūroje frazių su genityvu pozicija ima smarkiai kisti: ryškiai sumažėja daiktavardžio genityvo postpozicijos atvejų, visi priklausomi dėmenys dažniausiai sugrūdami prieš pažymimąjį daiktavardį. Pradedama atsisakyti beveik tris šimtus metų egzistavusios žodžių tvarkos įvairavimo atributinėje frazėje tradicijos, o daiktavardžio genityvo pozicija imama keisti iš pagrindų. Naujovės išardė ir senąją intonacinį sakinio modelį. Ne visai apibrėžta įvardžio pozicija daiktavardžio atžvilgiu leido modeliuoti sakinio intonaciją ir kaitaliojant akcentuojamus bei enklitinius žodžius išsklaidyti kelių informatyvių žodžių samplaikas frazėje. Šiuolaikinei kalbai jau būdingas perteklius: ryšius tarp žodžių rodo ne tik linksnis, bet ir žodžių tvarka.

Remiantis J. Greenbergo antrąja universalija sunku paaiškinti, kodėl prepozicinis daiktavardžio genityvas vyrauja dabartinėje kalboje, kai senojoje lietuvių kalboje jis dažniau buvo vartojamas postpoziciškai — genityvo postpozicija turėjo dažnėti dėl prielinksnių dominavimo.

Анна Дмитриевна Даугавет (Санкт-Петербург)

О продлении гласных перед тавтосиллабическим *r* в латышских говорах

В латышских говорах неоднократно засвидетельствовано сокращение долгот перед тавтосиллабическими сонантами (изменения типа *dēls* ‘сын’ > *dēls*). М. Рудзите [Rudzīte 1993: 248–250] вслед за Я. Эндзелином усматривает здесь общебалтийскую тенденцию, более древним проявлением которой было, в частности, сокращение и.-е. долгих дифтонгов. Работы А. Абеле [Ābele 1921; Абель 1924] об особой роли вторых компонентов дифтонгов и дифтонгических сочетаний в структуре балтийского слога могут быть привлечены для объяснения таких изменений с точки зрения системы языка. Последняя предусматривает в качестве ядра долгого слога элементы \bar{V} или \bar{VR} , но не $\bar{V}R$. Если недопустимое сочетание всё же возникает в результате выпадения последующего гласного (напр., *runājis* ‘говоривший’ > *runājs*), оно может быть заменено на одну из «правильных» структур (ср. формы *runāš* и *runaiš* в разных говорах).

В данной ситуации может показаться странным обратное изменение — широко представленное в латышских говорах продление гласных перед тавтосиллабическим *r*. На мой взгляд, объяснение кроется в особых свойствах *r*, зафиксированных в описаниях ряда говоров [Līniņš 1927; Adamovičs 1927], где, в отличие от других сонантов, он не способен участвовать в реализации слоговой интонации. В соответствии с теорией А. Абеле, такой *r* не участвует в образовании слога. Так как с функциональной точки зрения именно наличие интонации отличает долгие слоги от кратких, то слог, содержащий сочетание краткого гласного с *r*, неспособным реализовывать интонацию, должен считаться кратким. Продление гласных в таких

словах следует трактовать как средство сохранить изначальную долготу слога. Новая структура слога принадлежит к типу \bar{V} , а не $\bar{V}R$, поскольку r теперь выступает не как сонант, а как шумный согласный. Особое положение занимают земгальские говоры, где продления гласных не происходит, зато появление анаптиксы приводит к образованию нового слога, в котором r становится начальным согласным³.

Интересно, что появление анаптиксы в земгальских говорах, как и продление гласных в говорах Курземе, осуществляется безо всяких ограничений со стороны интонации слога. Совершенно иначе обстоит дело в говорах Видземе и Латгале, где решающее значение имеет противопоставление слогов с прерывистой (восходящей) интонацией любым другим слогам. Данное противопоставление имеет силу не только применительно к рассмотренному изменению в дифтонгических сочетаниях. Оппозицией прерывистой и непрерывистой интонаций характеризуются верхнелатышские говоры, а в «области трех интонаций» она действительна для безударных (некорневых) слогов. Кроме того, хотя в ударных (корневых) слогах здесь возможны все три интонации — длительная, нисходящая и прерывистая — чередование интонаций последующих слогов может вызвать только прерывистая: ср. *cēliēns* ‘этап, промежуток времени’, *grūdiēns* ‘толчок’ и *metiēns* ‘бросок’, *sāuciēns* ‘зов’, *kūliēns* ‘кувырок’.

Замену структур $VR > \bar{V}$ можно усмотреть ещё в одном характерном балтийском изменении, а именно, в превращении дифтонгических сочетаний с n в долгие гласные. Не исключено, что перед нами — два проявления общей тенденции, которая, однако, не получила дальнейшего развития. (Дифтонгические сочетания с l и m остались незатронутыми за исключением отдельных форм.) Более последовательная её реализация, по-видимому, привела бы к разрушению дифтонгических сочетаний как особых структурных единиц и сокращению типов долгих слогов. Функция образования долгих слогов осталась бы лишь у долгих гласных и дифтонгов. Учитывая, что именно участие дифтонгических сочетаний в реализации интонаций заставляет нас приписать последние слогу, а не гласному, их устранение должно было ослабить позиции долгого слога как особой единицы.

Литература

- Абель 1924 — Абель А. К вопросу о слоге // *Slavia* III, 1924–1925. — 1–34 стр.
Ābele 1921 — Ābele A. Par zilbiskajām skaņām latviešu divskaņos // *FBR* I, 1921. — 41.–46. lpp.
Adamovičs 1927 — Adamovičs F. Dundagas izloksne // *FBR* III, 1927. — 97.–109. lpp.
Līniņš 1927 — Līniņš K. Briņķinieku izloksnes vārdi // *FBR* III, 1927. — 44.–49. lpp.

Анжелика Витальевна Дубасова (Минск — Санкт-Петербург)

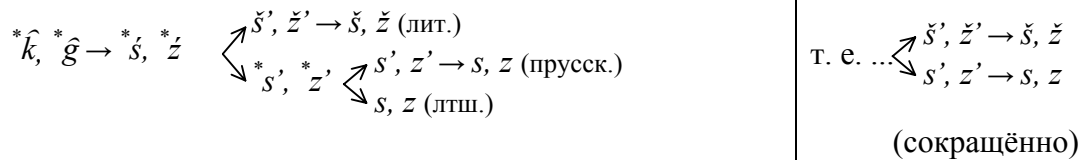
К вопросу о становлении балтийского консонантизма

В формировании системы балтийского консонантизма важную роль сыграл переход и.-е. $*\hat{k}$, $*\hat{g}$ в $*\acute{s}$, $*\acute{z}$ либо $*\acute{s}$, $*\acute{z}$ ⁴. С точки зрения типологии, более вероятным является изменение в $*\acute{s}$, $*\acute{z}$. Тогда судьбу и.-е. палатальных в балтийских диалектах можно представить следующим образом:

³ Такое развитие исключает сохранение старой долготы и интонации, зато наводит на размышления о соответствии одного долгого слога двум кратким, подобно лит. *púodas* ‘горшок’ — *puōdžius* ‘гончар’ и *kūbilas* ‘бочка’ — *kūbilius* ‘бочар’.

⁴ Штрих над буквой обозначает палатальный согласный, апостроф за буквой — палатализованный.

Схема 1.1.

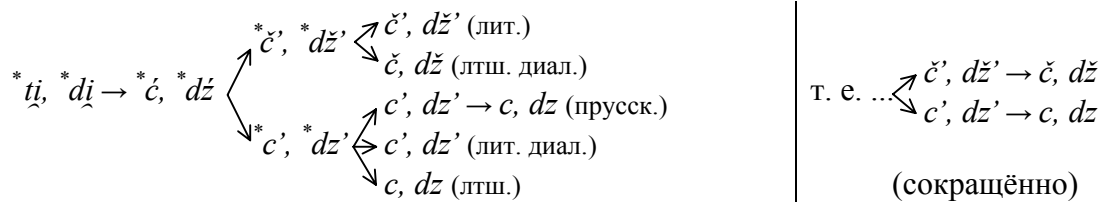

В. Н. Чекман предложил реконструировать развитие сочетаний $*t̃i$, $*d̃i$ для литовского следующим образом:

$$*t̃i, *d̃i \rightarrow *č', *dž' \begin{cases} \nearrow \check{c}', d\check{z}' \\ \searrow c', dz' \end{cases}$$

Объединив реконструкцию с данными других балтийских диалектов, получим:

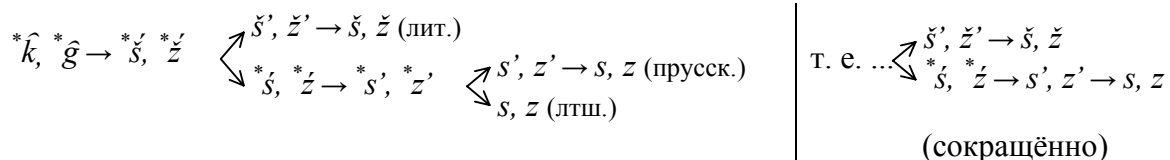
Схема 1.2.

Наблюдаемая аналогия в развитии обоих процессов (схема 1.1. и схема 1.2.) может свидетельствовать о влиянии перехода и.-е. $*k̂, *ĝ$ в щелевые на дальнейшее развитие балтийского консонантизма, в частности, на поведение $*t̃i$, $*d̃i$. Схема 1.2. отличается от схемы 1.1. скорее количеством использованных путей развития, чем их качеством.

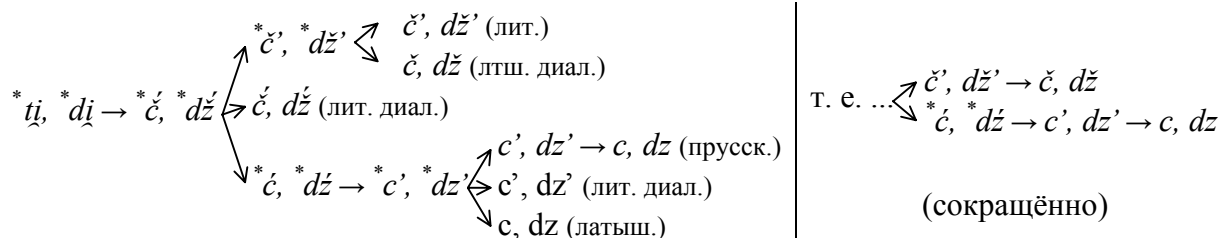
Однако, если обратить внимание на более поздний, но аналогичный процесс палатализации заднеязычных в праславянском, давший $\check{c}, d\check{z}$, на такие процессы в старопольском, как: $\check{s} \rightarrow s' \rightarrow s$ (для т. наз. «mazurzących» диалектов) и $\check{z} \rightarrow ž$ (для не-«mazurzących»), а также на рефлекс $*t̃i, *d̃i$ в аукштайтском диалекте ($\check{c}, d\check{z}; \check{c}, d\check{z}$), то представленные выше процессы логично отобразить несколько иначе:

Схема 2.1.

и

Схема 2.2.

Однако ни схема 1.2., ни схема 2.2. не объясняет $*t̃i, *d̃i \rightarrow \check{s}, \check{z}$ в части латышских диалектов.

Сравнение рефлексов палатализаций заднеязычных на разных этапах развития балтийских (а также славянских) диалектов, с одной стороны, и рефлексов йотации сочетаний $t̃i, d̃i$, с другой, показывает, что данные рефлексы в диахронии нередко пересекаются. Такие рефлексы, как $*t̃i \rightarrow t' \rightarrow k̂$ (ливонский диалект), $*t̃i \rightarrow k̂$ при наличии

$t_i \rightarrow \check{s}$ (среднелатышский диалект), $*t_i, *d_i \rightarrow t', d'$ при наличии $*t_i, *d_i \rightarrow \check{s}, \check{z}$ (верхнелатышский диалект) и др., дают основание для реконструкции промежуточной стадии йотации $*t_i, *d_i$:

$*t_i, *d_i \rightarrow *t', *d' \begin{cases} \rightarrow *k, *g \rightarrow *s', *z' \rightarrow *s', *z' \rightarrow \check{s}, \check{z} \text{ (лтш.)} \\ \rightarrow *c', *d\check{z} \rightarrow \text{(далее, как в схеме 2.2.)} \end{cases}$

Тогда распределение $\check{c}, d\check{z}$ (часть литовских и часть латышских диалектов) и \check{s}, \check{z} (часть латышских диалектов) сравнимо с подобным распределением в славянских языках, возникшим в результате палатализации заднеязычных (ср. блр. *яешня* — пол. *jajecznicza*). Данное сопоставление, в свою очередь, дополнительно иллюстрирует пересечение рефлексов йотации сочетаний $*t_i, *d_i$ и палатализации заднеязычных по различным диалектам при том, что данные рефлексы не совпадают абсолютно.

Gina Kavaliūnaitė (Vilnius)

Adesyvas ir inesyvas Samuelio Boguslavo Chylinskio Naujojo Testamento vertime

Literatūroje postpozicinių vietininkų sistema pristatoma kaip simetriška. Skiriami vidaus (inesyvas, iliatyvas) ir pašalio (adesyvas, aliatyvas) vietininkai, kurie savo ruožtu gali žymėti vietą (inesyvas, adesyvas) arba kryptį (iliatyvas, aliatyvas). Dėl aptariamų vietininkų darybos ir kilmės buvo ir tebevyksta diskusijų, tačiau minėtam vietininkų reikšmių skirstymui niekuomet nebuvo prieštaraujama (žr. [Laigonaitė 1957; Palionis 1967; Zinkevičius 1982; Rosinas 1995; 2000; 2001; Range 1995; Gelumbeckaitė 1996; 1997 ir kt.).

Atidžiau patyrinėjus Chylinskio Naujojo Testamento (ChNT) vertimą paaiškėjo, kad Chylinskio kalboje vartojami postpoziciniai vietininkai neatitinka minėtos schemas [Kavaliūnaitė 2001; 2002; 2003]. Nustatyta, kad adesyvas ir inesyvas atskirų linksnių opozicijos nesudaro, jie vartojami pagal Silversteino suformuluotą gyvumo hierarchiją [Silverstein 1976], kurią schematiškai taip vaizduojama:

gyvumas ←				→ negyvumas			
pirmojo	antrojo	rodomieji bei	tikriniai	asmenų	gyvų būtybių	negyvų daiktų	
asmens	asmens	trečiojo	vardai	pavadinimai	(ne žmonių)	pavadinimai	
įvardžiai	įvardžiai	asmens			pavadinimai		
		įvardžiai					

Taigi Chylinskio vertime adesyvo formą gauna tik tie vardažodžiai, kurie gyvumo hierarchijoje užima aukštą vietą, gyvumo hierarchijos skalės apačioje esančios kalbos dalys ir jų subkategorijos turi tik inesyvo formą. Tas pats žodis negali turėti ir inesyvo, ir adesyvo formos: pirmojo ir antrojo asmens įvardžių, asmenvardžių ir pan. inesyvai nepaliudyti; atitinkamai nė karto nepavartoti negyvų daiktų pavadinimų adesyvai. Kitų senųjų lietuviškų raštų medžiaga šiuo požiūriu nebuvo išsamiai ištirta, tačiau rodos, kad postpozicinių vietininkų vartojimo tendencijos kituose lietuviškuose senuosiuose raštuose iš esmės nesiskiria nuo Chylinskio. Ypatingą inesyvo ir adesyvo artimumą liudija faktas, kad abu šie linksniai gali būti pavartoti vienoje vardažodinėje frazėje, pvz.:

*Wienσ Diwaσ ir Tewaσ wifu, kursēy ira and wifo, ir per wiσ, ir **jufimp wifofe** (ChNT Ef 4,6); nē regi Dwasios s. **žmōgup atgimditame** (DP 255₃₅₋₃₆).*

Inesyvo ir adesyvo priešprieša remiasi gyvumu, o ne erdviniu santykiu, jų pasirinkimas priklauso nuo vardažodžio kategorinių savybių, taigi inesyvas ir adesyvas atskirų linksnių priešpriešos nesudaro.

Literatūra

- Gelumbeckaitė 1996 — J. Gelumbeckaitė. Vulgatos prielinksnių konstrukcijų santykis su inesyvu J. Bretkūno „Evangelijos pagal Luką“ vertime // *Baltistica* 31(2) — p. 155–161.
- Gelumbeckaitė 1997 — J. Gelumbeckaitė. Postpoziciniai vietininkai J. Bretkūno „Evangelijos pagal Luką“ vertime // *Baltistica* 32(2) — p. 179–202.
- Kavaliūnaitė 2001 — G. Kavaliūnaitė. Adesyvas Chylinskio NT vertime // *Acta Linguistica Lithuanica* 45 — p. 93–111.
- Kavaliūnaitė 2002 (2003) — G. Kavaliūnaitė. Die postpositionalen Lokalkasus in Chylinskis Übersetzung des Neuen Testaments // *Linguistica Baltica* 10 — S. 81–99.
- Kavaliūnaitė 2003 (2004) — G. Kavaliūnaitė. Postpozicinių vietininkų sistema Chylinskio Naujojo Testamento vertime // *Acta Linguistica Lithuanica* 49 — p. 33–49.
- Laigonaitė 1957 — A. Laigonaitė. Pašalio vietininkai dabartinėje kalboje // *Kai kurie lietuvių kalbos gramatikos klausimai* / Red. Ch. Lemchenas. Vilnius. — p. 21–39.
- Palionis 1967 — J. Palionis. Lietuvių literatūrinė kalba XVI–XVII a. Vilnius.
- Range 1995 — J.-D. Range. Allativ und Adessiv in altlitauischen Texten des 16. Jahrhunderts // *Linguistica Baltica* 4 — S. 96–102.
- Rosinas 1995 — A. Rosinas. Baltų kalbų įvardžiai: morfologijos raida. Vilnius.
- Rosinas 2000 — A. Rosinas. Inesyvo ir adesyvo formų kilmės ir raidos klausimu // *Baltistica* 34(2) — p. 173–183.
- Rosinas 2001 — A. Rosinas. Mikalojaus Daukšos tekstų įvardžių semantinė ir morfologinė struktūra. Vilnius.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical categories in Australian languages* / Ed. R. M. W. Dixon. New Jersey: Humanities Press (Australian Institute of Aboriginal Studies, Linguistics Series, 22) — p. 112–171.
- Zinkevičius 1982 — Z. Zinkevičius. Lietuvių kalbos postpoziciniai vietininkai // *Baltistica* 18(1) — p. 21–38.

Ona Kažukauskaitė (Vilnius)

Du Lauryno Ivinskio žodynai Sankt Peterburge

1. Šiuo pasisakymu norėta dar kartą atkreipti dėmesį į mažai žinomus rusiškuosius Lauryno Ivinskio (1810–1881) žodynus, saugomus Rusijos Geografų draugijos (RGD) archyve Sankt Peterburge.

2. Apie L. Ivinskio sudarinėtą didelį rusų-lietuvių kalbų žodyną Lietuvoje pranešė Eduardas Volteris, paskelbęs keletą L. Ivinskio laiškų [Volteris 1908: 265–268]. Iš šio skelbinio matyti, kad dalį savo žodyno L. Ivinskis buvo nusiuntęs peržiūrėti Rusijos geografų draugijai.

3. Išsamesnės medžiagos apie tą L. Ivinskio nebaigtą rankraštinių 1193 puslapių žodyną „Словарь Россійско-Литовскій“ pateikė ilgametis „Lietuvių kalbos žodyno“ (LKŽ) redaktorius Jonas Kruopas [Kruopas 1960: 191–198], susipažinęs su juo Rusijos geografų draugijos archyve (sign.: P 53, aprašas 1, № 111).

4. J. Kruopas apibūdino ir antrojo rankraštinio L. Ivinskio keturkalbio žodyno „Словарь Россійско-Литовскій съ Латинско-Польскимъ“ 96 puslapių dalį, pridėtą prie dvikalbio žodyno rankraščio (signatūra ta pati: P 53, aprašas 1, № 111).

5. L. Ivinskio rusų-lietuvių ir rusų-lietuvių-lotynų-lenkų kalbų žodynų lietuviški žodžiai nebuvo įtraukiami į LKŽ, skirtingai nei to paties autoriaus lenkų-lietuvių kalbų žodyno lietuviškoji leksika. Priežastis gali būti ta, kad, leisdami LKŽ, žodynininkai turėjo po ranka

šio lenkų-lietuvių žodyno fotokopiją ir ja naudojosi, o peterburgiškių žodynų buvo tik ne itin geros kokybės mikrofilmai Lietuvos mokslų akademijos bibliotekoje.

6. Rusijos geografų draugijos archyve, be čia aptariamų dviejų žodynų rankraščių, esama ir niekur neskelbtų L. Ivinskio laiškų, kuriuose minimi visi trys jo žodynai [Petkevičiūtė 1988: 89]. Iš mūsų leksikografo susirašinėjimo su RGD nariais bei RGD bibliografijos paaiškėtų, tikėtina, dar nežinomų faktų apie tuos žodynus.

7. Šiais 2004 metais Lietuvių kalbos instituto Leksikografijos centre pradėtas rengti spaudai didžiausias L. Ivinskio veikalas — 2060 puslapių lenkų-lietuvių kalbų žodynas, kurio rankraščio originalas saugomas Krokuvoje Lenkijos mokslų akademijos bibliotekoje (sign.: 2232). Pradėjus leisti vieną iš šio autoriaus žodynų, neturi likti nuošalėje ir kiti du. Patyrinėjus RGD archyve esančius jų rankraščius, būtų aptariama leksikos sudėtis ir šaltiniai, rašymo aplinkybės, leksikografijos principai, galimas tobulesnis nukopijavimas, panaudojimas ar leidyba.

Literatūra

Kruopas 1960 — J. Kruopas. L. Ivinskio leksikografiniai darbai // Lietuvos TSR MA darbai, ser. A, 1, 1960.

Petkevičiūtė 1988 — D. Petkevičiūtė. Laurynas Ivinskis. Vilnius, 1988.

Volteris 1908 — E. Volteris. Prie Lauryno Ivinskio biografijos // Lietuvių tauta 1 (2), 1908.

Šaltiniai

L. Ivinskis. Словарь Россійско-Литовскій и Словарь Россійско-Литовскій съ Латинско-Польскимъ. — rankraščių mikrofilmai laikomi Lietuvos MA bibliotekoje, sign.: Mf 209.

Ванда Пятровна Казанскене (Санкт-Петербург)

Семантика корня **ei-* и внутренняя форма производных от него слов в литовском языке

Одной из проблем этимологического анализа остаётся семантическая мотивированность производных слов, внутренняя форма и её развитие, конечный результат которого засвидетельствован уже в лексических значениях, присущих слову. Любопытно, что существуют некоторые пучки смыслов, совпадающие в разных индоевропейских традициях. Рассмотрим эту проблему на примере и.-е. корня со значением идти **ei-* ‘идти’: др.-гр. *εἶμι* ‘иду’, лат. *eo, ire* ‘идти’, лит. *eĩmi* (древняя форма), inf. *eĩti* ‘идти’, др.-инд. *émi* ‘иду’, ав. *aēiti* ‘идёт’, ирл. *ethaid* ‘идёт’.

Перечислим некоторые из имён, образованных от данного глагола.

С нулевым суффиксом: лит. *ėjà* ‘ход’.

С суффиксальным *-g-*: лит. *eigà* ‘течение, ход (событий)’, лит. *eĩgis* ‘хождение, путешествие’, лит. *eiklùs, eidlùs, eiglùs* ‘живой, расторопный’, арм. *ēj* (< **eighi-*) ‘спуск’.

С суффиксальным *-to-*: др.-гр. *ἀμαξ-ιτός, όν* (Pi.) ‘проезжаемый возами’, f (Nom.) ‘проезжая, большая дорога’, *ιτός, ή, όν* ‘проходимый’, *ίτης* (Ag., Pl.) ‘смелый, отважный, решительный человек’; лат. *com-es, -itis* m. ‘спутник’, др.-инд. *dur-ita-* ‘труднопроходимый’, ав. *duž-ita-* ‘труднопроходимый’, др.-инд. *eta-* ‘спешащий’, др.-исл. *eið* n. (< **oi-dho-* или < **oi-tho-*) ‘перешеек’, др.-сакс. *frēthi* (< **fra-iþya-*) ‘вероломный, беглый’, др.-ирл. *ōegi, gen. -ed* (< **-dh-*) ‘гость’.

С суффиксальным *-ti-*: Лат. *itio, -ionis* f. ‘хождение’, лит. *at-eitis* ‘будущее’, др.-инд. *i-tih* f. ‘хождение, ходьба’.

- С суффиксальным *-tu-*: Лат. *itus, -ūs* m. ‘хождение, ходьба’.
- Гетероклитические: др.-ирл. *ethar* (*r/n*-основа) ‘Fahrbot’, тох. А *ytār* f., тох. В *ytārye* f. ‘дорога’, хеттск. *i-tar*, gen. *innaš* (*r/n*-основа) ‘хождение’.
- С суффиксальным *-m-*: др.-гр. *ἴθμη* ‘дорога, ход’, *εἰσίθμη* (Ном.) ‘вход’, лит. *eĩsmas* ‘движение’, лит. *eismẽ* f. ‘ход’, лит. *eismà* f. ‘ходьба, поход’, лит. *eimùs* ‘подходящий, ловкий’, др.-инд. *émah* ‘ход, дорога’, тох. А *imeç*, тох. В *umiyeç* ‘дорога’.
- С суффиксальным *-men-*: др.-гр. *ἵματα* n. pl. (Ном.) ‘походка, поступь’, лит. *eimuid* m., *eĩmenas*, *eimenà* ‘ручей, течение’, др.-инд. *éman-* n. ‘ход, дорога’.
- С суффиксальным *-n-*: лит. *aĩnis* ‘потомок’, лит. *eisnìs* f. ‘походка’, лит. *einùs* ‘быстрый, подвижный’.
- С суффиксальным *-l-*: лит. *eilẽ* ‘ряд; стих’, лтш. *iela* ‘улица; Reihegetreide’, лит. *eĩslas* ‘хождение’, лтш. *ailis* ‘ряд’, лит. *eislùs* ‘тот, кто любит много ходить’.
- С суффиксальным *-u-*: лит. *pereiva, pereivis* m. ‘бродяга’, лит. *ateĩvis, atėiva* ‘пришелец’, др.-инд. *évaḥ* ‘спешный, быстрый’, др.-инд. *dur-éva-* ‘злой’, д.-в.-н. *ēva* (< **eiua*) f. ‘закон, брак’, др.-англ. *oew* f. ‘закон, брак’, др.-сакс. *ēu, ēo* m. ‘закон, брак’.

В приведённых сопоставлениях использованы материалы давно и всеми признанные за исключением литовских слов *eimuid, eĩmenas, eimenà* ‘ручей, течение’, которые внешне кажутся далёкими по своему лексическому значению. Между тем семантическое развитие может быть восстановлено с несколько большими деталями, чем это обычно делается.

Выбранный нами в качестве примера корень замечательно засвидетельствован во многих языках, причём очевидно, что основу развития значения производных слов составляют значения ‘ход’, ‘походка’ и ‘дорога’. В литовском языке кроме значения ‘идти’ представлено также значение ‘течь’, к которому и восходят производные значения ‘река, ручей’. Во многих языках *идти* и *течь* применительно к людям выступают как синонимы: *И он послушно в путь потек* (А. С. Пушкин). Совмещение значений дороги и водных путей (*ύρὰ κέλευθα* Гомер) оказывается мотивированным ещё глагольной семантикой, что демонстрирует развитие значений ‘идти’ = ‘течь’, отражённое в семантике греч. *πόντος* и рус. *путь*. Можно предполагать, что в раннее время идея ‘движения, сообщения’ включала в себя и движение по воде (ср. такие образы как река (плавно) идущая или бегущая, а также лит. *eĩsmas* ‘движение, сообщение’, объединяющее речные и сухопутные дороги. Отметим, что в ранней литовской истории сообщение в Литве происходило по преимуществу речным путём.

Особую группу значений мы обнаруживаем в литовском *tekėti* (родственное *течь*) ‘выходить замуж (о девушке)’. Разительно этимологическое родство литовских слов *sán-taka* (< **-tokā*, огласовка корня *-o-*) ‘место слияния рек’ и *sán-tuoka* (< **-tōkā*, огласовка корня *-ō-*) ‘брак’.

Можно предполагать, что в литовском языке от значения ‘отправляться, переселяться жить в другое место’ возникло значение ‘выходить замуж (о девушке)’. Внутренняя форма лит. *tekėti* и слав. *выходить замуж* проявляет разительное сходство. Вероятно, не случайно и наблюдаемое совпадение с германским материалом д.-в.-н. *ēva* (< **eiua*), др.-англ. *oew*, др.-сакс. *ēu* ‘брак’, который может указывать на территориально ограниченную семантическую инновацию, объединившую балтийский, славянский и германский ареалы.

Submorfi un morfēmu attīstība

1. Valodas morfēmiskajā struktūrā iespējams fiksēt elementus, kas ir mazāki par morfēmām un funkcionē kā morfu mainīgās daļas vārddarināšanas un formveidošanas procesos. Viens no šādiem elementiem ir submorfs. Submorfi sastopami morfēmu variantos, kas ir vai nu mazāki, vai nu lielāki nekā invariantās morfēmas. Submorfi, lai gan tiem nav savas semantikas, rada attiecīgo morfēmu struktūras paplašinājumu vai samazinājumu — allomorfus. Jau pats submorfu postulēšanas fakts liecina par morfēmu struktūras un vārdu un vārdformu morfēmiskā sastāva attīstības respektēšanu. Morfēmas, tāpat kā citas valodas sistēmas daļas, laika gaitā mainās dažādu fonētisku, morfonoloģisku un semantisku faktoru ietekmē.

2. Viens no faktoriem, kas veicinājis allomorfismu un tātad arī submorfu veidošanos latviešu valodā, ir morfēmu fonētiska pielāgošanās. Pielāgošanās izpaužas kā dažādi asimilācijas, disimilācijas vai līdzskaņu zušanas procesi morfēmu sadūrā. Submorfi saistāmi ar līdzskaņu disimilāciju vai zudumu morfēmu savienojumos. Tā, vairoties no līdzskaņu sablīvējuma kombinācijā *sakne + sufikss*, atmests saknes beigu līdzskanis *t, d, s, z* sufiksu *-šan-, -sm-, -sl-* priekšā, piemēram,

dzis-t : *dzi-šan-a* < **dzis-šan-a*;

grauz-t : *grau-šan-a* < **grauz-šan-a*;

mos-ties < **mod-ties* : *mo-šan-ās* < **mod-šan-ās*

pūs-t < **pūt-t* : *pū-sm-a* < **pūt-sm-a*;

mēz-t : *mē-sl-i* < **mēz-sl-i*.

Līdzskaņu *t, d, s, z* vēsturiskā zuduma rezultātā verbu saknēm ir izveidojušies samazināti allomorfi *dzi-, grau-, pū-, mē-* ar submorfiem *s, z, t*.

3. Submorfi latviešu valodā veidojušies arī vārda morfēmiskā sastāva pārdalīšanās rezultātā. Šādi allomorfi ir paplašināti ar submorfu attiecībā pret invarianto morfēmu. Allomorfi radušies, apvienojoties divām vai vairākām morfēmām. Te nav fūzijas, jo no katras sākotnējās morfēmas ir sastopami atsevišķi elementi. Morfēmu apvienošanās cēlonis visbiežāk ir kādas morfēmas neproduktivitāte un / vai desamentizācija, sekas — vokālisma redukcija morfēmā, bet rezultāts parasti ir morfēmu robežu maiņa, piemēram, deminutīvsufiksu *-iņ-, -ēn-* paplašināti allomorfi *-tiņ-, -lēn-* ar submorfiem *t, l, sal*.

liep-a : *liep-iņ-a*;

aus-s : *aus-tiņ-a* < **aus-it-iņ-a*;

pel-e : *pel-ēn-s*;

zos-s : *zos-lēn-s* < **zos-ul-ēn-s*.

4. Daļa ar submorfiem paplašinātu allomorfu var būt arī morfēmiskā sastāva reanalīzes procesa sekas. Kā reanalīzi var skaidrot, piemēram, sufiksa *-an-* allomorfu *-gan-*, kas paplašināts ar submorfu *g*. No tādiem atvasinājumiem kā *valg-s* : *valg-an-s* abstrahēts «jauns» sufikss *-gan-*: *brūn-s* : *brūn-gan-s*, *bāl-s* : *bāl-gan-s*. Līdzīgas, uz reanalīzi balstītas attieksmes varētu būt arī noteikušas submorfu rašanos tādos sufiksos un to allomorfos kā *-kl- / -ekl-, -okl-; -tn- / -atn-, -otn-* u. tml.

5. Submorfu teorētiskā izpratne un izmantojums vārdu vai vārdformu morfēmiskās struktūras aprakstā lingvistiskajā literatūrā ir atšķirīgs. Latviešu valodniecībā submorfi klasificēti arī par interfiksiem. Gan submorfi, gan interfiksi ir vārda morfēmiskā sastāva attīstības rezultāts. Tomēr liekas, ka submorfus nevajadzētu vienādot ar interfiksiem un atteikties no viena vai otra termina izmantojuma. Vārdu un vārdformu morfēmiskā sastāva

aprstā un semantikas analīzē nepieciešami abi termini, kā arī to ietvertie jēdzieni. Submorfus un interfiksus vieno tas, ka abiem trūkst savas semantikas un abi kalpo kā dažādu gramatisku procesu palīgelementi. Taču interfiksus var uzskatīt par patstāvīgām morfēmām, kas morfonoloģisku cēloņu dēļ pavada vārddarināšanas vai formveidošanas procesus. Submorfī turpretī nav patstāvīgi un ietilpst vai nu saknes, vai nu afiksu morfēmās.

Sarma Kļaviņa (Rīga)

Rīgas Latviešu biedrības Valodniecības nodaļas (1904–1940) darbība latviešu literārās valodas normu noteikšanā un izplatīšanā

Pirms simt gadiem, 1904. gadā, dibinātā Rīgas Latviešu biedrības (turpmāk — RLB) Valodniecības nodaļa ir pirmais latviešu valodas kopšanas un pētīšanas kolektīvs, priekštece Latvijas Filologu biedrībai un Latviešu valodas krātuvei.

Kā liecina RLB Zinību komisijas protokols, Valodniecības nodaļas dzimšanas diena ir 1904. gada 23. aprīlis (pēc vecā stila), kad komisija vienbalsīgi pieņēma Āronu Matīsa ierosinājumu dibināt šo nodaļu ar mērķi — latviešu valodas izkopšana: a) materiālu krāšana, b) sinonīmu izskaidrošana, c) rakstnieku valodas apspriešana, d) arodniecisku terminu krāšana.

Nodaļa nodibinājās laikā, kad latviešu valoda bija viena no cariskās Krievijas tautu valodām, kā grauds starp rusifikācijas un ģermanizācijas dzirnakmeņiem, kad bija vispārējā jādūdz Iekšlietu ministram 1) atkal ieviest latviešu valodu par mācības valodu skolās, atstājot krievu valodu kā svarīgu mācības priekšmetu, 2) lietot latviešu valodu tiesās un pagasta pašvaldībās par darīšanas valodu.

Latviešu valoda toreiz vēl bija ar nenokārtotu rakstību, bez valodas kopšanas zinātniskiem principiem.

Valodniecības nodaļa darbojās 28 gadus: no 1904. g. 23. aprīļa līdz 1940. g. 9. maijam (1. pasaules karš pārtrauca darbu līdz 1922. gadam).

Par nodaļas darbību liecina 3 veidu **avoti**: rokraksti (nodaļas, kā arī Zinību komisijas sēžu protokoli, sarakste), iespieddarbi (gada pārskati par RLB darbību, publikācijas periodikā, publicētas atmiņas u. c.) un atmiņas.

K. Mīlenbaha vadības laikā (1904–1914) 160 sēdēs ir piedalījušās pavisam 50 dažādas personas. Tajās apspriesti terminoloģijas, ortogrāfijas, valodas prakses jautājumi, Mīlenbaha vārdnīcā iekļaujamo vārdu izruna un nozīmes. Pats K. Mīlenbahs, piem., ir referējis par vārdu kārtu latviešu valodā, par līdzskaņu *r, b, m, p, v* mīkstināšanu, par izskaņu *-šana*, par darbības vārda nākotnes daudzskaitļa 1. un 2. personas galotnēm, bet aktīvais sēžu dalībnieks rakstnieks Apsīšu Jēkabs ir runājis par izskaņām *-dams* un *-ošs*, par participā komparatīva izskaņu *-āks*, par nelatviskām konstrukcijām krievu un vācu valodas iespaidā, par *-ošs* nepareizu lietošanu tranzitīvos verbos. 1908. un 1909. gadā nodaļa īpaši nodarbojusies ar ortogrāfijas nokārtošanu, bet 1913. gadā apspriedusi no vācu un citām valodām pārņemtu īpašvārdu rakstību.

Nodaļas priekšnieks K. Mīlenbahs pirmais sāka veidot latviešu valodai normēšanas teorētiskos principus un kritēriju sistēmu, tos apsprieda sēdēs, pēc tam viedokļi un referāti tika publicēti Zinību komisijas Rakstu krājumā vai laikrakstos, tādējādi izplatot zināšanas plašās valodas lietotāju aprindās. Tā kā daudzi nodaļas biedri bija skolotāji, piem., P. Abuls, F. un L. Adamoviči, I. Cīrulis, A. Ramāns, sēdēs gūtās atziņas nonāca skolās un tika izmantotas latviešu literārās valodas veidošanā.

J. Endzelīna vadības laikā (1922–1940) nodaļas darbā bija divi periodi: 1. — līdz 1932. g. novembra beigām tikai Mīlenbaha vārdnīcas sagatavošana, 2. — vārdnīcas papildinājumu un valodas prakses jautājumu apspriešana.

Sēdēs ir piedalījušās vairāk nekā 200 dažādas personas. Tās notikušas katru ceturtdienu no plkst. 6 līdz 8 vakarā. Mīlenbaha vārdnīcas 4 sējumiem nodaļa ir vēltījusi 309 sēdes, bet tās papildinājumiem un valodas prakses jautājumiem — 209 sēdes (vidēji ar 32 personām sēdē).

Nodaļas darbā aktīvi ir iesaistījušies gandrīz visi tā laika latviešu valodnieki (A. Ābele, P. Šmits, J. Kauliņš, E. Blese, J. Velme, E. Hausenberga-Šturma, V. Rūķe u. c.), daudzi baltu filoloģijas studenti un studijas beigušie (A. Augstkalns, K. Ancītis, K. Draviņš, R. Grabis, A. Ozols u. c.), skolotāji, rakstnieki un dzejnieki, publicisti, teologi, arī ārsti, inženieri, ierēdņi u. c. Sēdēs ir viesojušies vairāki ārzemju valodnieki: V. Čiharžs (Čehija), E. Frenkelis un G. Ģerulis (Vācija), J. Kabelka (Lietuva), V. Kiparskis (Somija) u. c.

Sēdēs ir apspriesti literārās valodas ortoēpijas un ortogrāfijas, vārdu krājuma, morfoloģijas un vārddarināšanas, sintakses un stila jautājumi. Protokolus par to apspriešanu ir publicējuši R. Hofmanis un A. Moora Losandželosā 2001. gadā (2. izd. — 2002) ar P. Kļaviņa priekšvārdiem un tematisko rādītāju.

Daļa viedokļu pirms tam jau publicēta nodaļas rakstveža P. Ozoliņa sakārtojumā un J. Endzelīna redakcijā krājumā «Valodas prakses jautājumi» (R., 1935), kā arī V. Rūķes sakārtojumā un J. Endzelīna redakcijā krājumā «Valodas un rakstības jautājumi» (R., 1940).

Referātā tiks aplūkoti K. Mīlenbaha un J. Endzelīna laikā Valodniecības nodaļā apspriestie vārdu krājuma attīstības principiālie jautājumi.

Юрате Лаучюте (Клайпеда)

Языковые контакты во времени и в пространстве (на материале балтийских и славянских языков)

1. Контакты между балтийскими и славянскими языками отличаются исключительной длительностью, которая не характерна для контактов между другими индоевропейскими языками, поэтому время неизбежно должно было оказать специфическое влияние на результаты этих контактов, не характерное для результатов языковых контактов иных языковых групп. А priori можно предположить, что наиболее сильное влияние фактор времени оказал на степень освоения или интерференцию заимствованных слов, морфем, синтаксических конструкций в заимствующем языке. Данное предположение уже давно получило подтверждение в виде многочисленных и неоднозначных гипотез об особой близости балтийских и славянских языков. Неоднозначными эти гипотезы являются потому, что нередко одни и те же общие балто-славянские явления интерпретируются то как исконно родственные изоглоссы, то как результат независимого, параллельного развития, то как заимствования — взаимные либо из общего третьего источника. Например, в число фактов, свидетельствующих об особом родстве балтийских и славянских языков, П. У. Дини включает суффикс **-ik-* / **-ik-* (Дини 2002: 149), а в монографии С. Амбразаса читаем: «поскольку названия деятелей с суффиксом *-ikas* больше всего распространены в западно-аукштайтских говорах литовского языка и в прусском языке {...}, то думается, что этот суффикс в парадигму образований имён деятелей был включён первоначально в западных диалектах

балтийских языков. Позднее эта инновация распространилась в другие диалекты балтийских языков и в славянские языки» [Ambrazas 1993: 167].

2. Языковое взаимодействие, сопровождающееся определенными изменениями в воспринимающем языке, в конечном итоге являет собой проблему, в которой история языка наглядно переплетается с историей народа и предшествовавших ему племён. Поэтому на результатах языковых контактов неизбежно сказывается пространство, в котором совершались эти контакты. Время и пространство, вплетаясь в процесс языковых контактов, позволяет исследователям выделять так называемые пограничные контакты и адстратно-суперстратное воздействие и образует, соответственно, зоны либо ареалы пограничных контактов и зоны действия субстрата (особенно в то время, когда языковое взаимодействие совершалось устным — «оральным» — путём).

3. Термином «контакт (языковой)» в более узком смысле обычно обозначают маргинальное (пограничное) контактирование, в результате которого не происходит никакого этнического смешения. Поскольку наиболее проницаемым участком языка является лексика, именно в лексике исследователя подстерегает опасность смешения результатов маргинальных контактов и субстратного воздействия, которое затрагивает столь глубинные слои лексики, что в условиях исключительной протяжённости во времени и в пространстве может стать причиной изменений на этническом уровне. С этим на балто-славянском материале уже столкнулись историки и археологи, затрудняясь определить этническую принадлежность некоторых археологических культур Восточной и Средней Европы южной лесной и лесостепной зоны в сравнительно позднюю эпоху начала и середины первого тысячелетия нашей эры.

4. С такого рода трудностями сталкиваются и лингвисты, пытаясь определить языковую принадлежность и ареал первичного возникновения целого ряда фактов морфологии, синтаксиса и, в наибольшей степени, лексики балтийских и славянских языков. Сторонники общего балтославянского праязыка склонны переоценивать количество и роль эксклюзивных лексических изоглосс, расширяя их число либо за счёт древнего праиндоевропейского наследия (например, в качестве балтославянской эксклюзивной изоглоссы всё ещё приводится пример лит. *liepa* — рус. *липа*, несмотря на наличие родственного слова в германских языках, ср. [Urbutis 1981: 14]), либо игнорируя явления субстрата, в результате чего к общей родственной лексике относят древние заимствования. Правда, применительно к обсуждаемым языкам отмечен только балтийский субстрат в языке и материальной культуре славян, а славянские элементы в балтийский мир проникали в качестве маргинальных, хотя иногда и весьма ранних, контактов. Но даже с этой поправкой проблема разграничения исконных слов от древних заимствований не становится прозрачнее, а происхождение таких слов, как *голова* и *рука* всё ещё скрыто под большим вопросительным знаком.

5. Данные археологии, ономастики, а в редких случаях — и данные исторических памятников достаточно аргументированно фиксируют наличие балтийского субстрата на большом ареале западных и восточных славян. По этим данным можно реконструировать условных Днепровских балтов (о них — в работах В. Н. Топорова, О. Н. Трубачёва, В. В. Седова) и Окских балтов — тех балтов, которые в доисторические времена в бассейнах Верхнего Днепра и Оки оставили мощный слой гидронимов и топонимов балтийского происхождения, а также некоторые балтизмы в апеллятивной лексике и в материальной культуре. Подобного рода свидетельства присутствия балтского субстрата (но в меньшем количестве) можно обнаружить в северо-западных областях России

(между верховьями Западной Двины и Москвы-реки), а также в Польше и северо-восточной Чехии и Словакии. Однако лингвисты, особенно слависты-лексикологи, о наличии на этой территории балтийского субстрата вспоминают крайне редко, а родственные балтийским славянские слова, засвидетельствованные только в зоне действия балтского субстрата, предпочитают считать праславянскими диалектизмами.

6. При определении эксклюзивных балтославянских изоглосс, роль основного аргумента нередко отводится *argumento ex silentio*, т. е. тому, что исследуемый языковой факт (корень, лексема, суффикс и др.) отсутствовал в других и.-е. языках. О ненадёжности такого «аргумента» свидетельствуют всё новые и новые факты, раскапываемые в памятниках тохарских, кельтских, фракийского или иллирийского языков и раздвигающие узкие границы балто-славянского ареала. Аргумент «отсутствия» приобретает силу доказательства только в том случае, если можно указать, например, какое слово или аффикс имелся в привлекаемом для сравнения другом и.-е. языке, однако это по понятным причинам не всегда возможно.

7. Недостаточное внимание к факторам времени и пространства в балто-славянских исследованиях приводит к тому, что на одной временной плоскости выстраиваются и архаизмы, и новообразования разных эпох. Тот факт, что некоторые языковые особенности, общие для славянских и балтийских языков, сначала возникли в одном диалекте одной из этих языковых групп, и лишь постепенно, в течение некоторого времени, путём заимствования (или — пограничных контактов), распространились в другие диалекты и языки, наглядно раскрыт в уже упомянутой монографии С. Амбразаса по истории словообразования имён существительных. Поскольку суффиксы (как и другие аффиксы) не гуляют по диалектам и языкам сами по себе, а распространяются вместе с лексемами, несущими эти суффиксы, то механизм распространения новообразований из одного центра его возникновения, локализованного во времени и в пространстве, путём заимствования, а не одновременное их «прорастание» на большом ареале разных диалектов и языков ставит под сомнение правдоподобность многих так называемых «исконно родственных» балто-славянских изоглосс и делает гипотезу о существовании в прошлом эпохи активных взаимных контактов между балтами и славянами более убедительной, чем гипотезу об особой их близости, перерастающей в родство.

Литература

- Дини 2002 — П. У. Дини. Балтийские языки. Москва, 2002.
Ambrazas 1993 — S. Ambrazas. Daiktavardžių darybos raida. T. I. Vilnius, 1993.
Urbutis 1981 — V. Urbutis. Baltų etimologijos etiudai. Vilnius, 1981.

Lidija Leikuma (Rīga)

Veras Daškevičas latgaliešu valodas grāmatas skolai

Vera (Veronika) Daškeviča ir viena no izcilākajām latgaliešu kultūras un izglītības darbiniecēm. Viņa ir sekmīgākā 20. gadsimta 30. gadu latgaliešu skolas grāmatu sagatavotāja Krievijā dzīvojošajiem latgaliešiem — autore, tulkotāja, rediģētāja, ievērojama dzimtās valodas mācīšanas metodiķe.

Informācija par viņas mūžu pagaidām ir nepilnīga, kaut zināms, ka V. Daškeviča ir izglītojusies un nacionālajā apziņā pieņēmusies Pēterpils latgaliešu kopā, šeit beigusi latgaliešu skolotāju sagatavošanas kursu. Mūža lielāko daļu dzīvojusi un strādājusi padomju

Krievijā, tāpēc viņas vārds latviešu kultūrā joprojām ir mazpazīstams. Turklāt, kā daudzi tālaika ievērojami darbinieki, 1937. gadā tikusi represēta. Izcietusi visus soda 20 gadus un mirusi Tulas apgabala Aleksinā 1960. gada 10. maijā.

Pēc 1926. gada, kad arī latgalieši Krievijā oficiāli tika atzīti par mazākuma tautību un ieguva tiesības uz savu skolu un kultūras dzīves organizēšanu, Vera Daškeviča ir daudz un sekmīgi strādājusi pie latgaliešu rakstības jautājumu sakārtošanas, dzimtās valodas kopšanas un popularizēšanas, metodikas izstrādāšanas valodas mācīšanai. Tas bija svarīgs darbs, jo, kā 1934. gada 4. nr. ziņo latgaliešu žurnāls „Ceiņas Karūgs“ (iznāca Maskavā 1933–1937), ap 1933.–1934. gadu Krievijā darbojušās jau 79 latgaliešu pamatskolas un 6 zemnieku jaunatnes skolas, pastāvējis latgaliešu pedagoģiskais tehnikums Ačinskā (dibināts 1931. gadā), pie tā — skolotāju sagatavošanas kursi. 1934. gadā 1. un 2. klasē visi priekšmeti latgaliešu skolās jau mācīti latgaliski. Noteikumi atļāvuši to darīt arī t. s. nepilnajā vidusskolā (t. i., visās pirmajās 7 klasēs). Latgaliešu valodas mācīšanas programma bijusi izstrādāta 1934. gadā. Šā gada „Ceiņas Karūga“ 5. nr. publicēti arī latgaliešu pareizrakstības noteikumi.

Vera Daškeviča skolai izstrādājusi vairākas latgaliešu valodas mācību grāmatas. Mūsu rīcībā pagaidām ir šādi izdevumi:

1. Latgalīšu volūdas mōceibas grōmota sōkuma školai. Gramatika un pareizraksteiba. II daļa. 3. un 4. klasem. — Moskova-Novosibirsk, 1934, 100 lpp. (atb. red. A. Mežule; tirāža 1500 eks.);
2. Ortografisku vīngrynōjumu krōjums sōkuma školai ūtrai klasei. Ūtrō daļa. — Moskova: Prometejs, 1936, 55 lpp.;
3. Latgalīšu volūdas gramatika. Mōceibas grōmota napylnai vydsškolai. Pīrmo daļa. Fonetika un morfologija. Pīktō klase. — Moskova: Prometejs, 1936, 105 lpp. (red. A. Eisulš; tirāža 1000 eks.);
4. Ortografisku vīngrynōjumu krōjums. Napylnōs vydsškolai pīktai klasei. Pīrmo daļa. — Moskova: Prometejs, 1937, 66 lpp. (red. A. Mežule; tirāža 1000 eks.).

Valodnieka uzmanību visvairāk saista „Latgalīšu volūdas gramatika“ (1936), kurā dots sistemātisks un visai plašs (3.–61. lpp.) pārskats par latgaliešu valodas skaņu un formu sistēmu, tuvāk raksturojot lietvārdu, īpašības vārdu, skaitļa vārdu, vietniekvārdu, darbības vārdu. Gramatika rāda latgaliešu tālaika runu un tās atspoguļojumu rakstos, šim avotam ir nozīme arī no latgaliešu rakstības normēšanas viedokļa.

V. Daškevičai droši vien bija zināms 1928.–29. ortogrāfijas komisijas darbs P. Stroda vadībā Latvijā, pieņemtie lēmumi. Viņas gramatikā vairākas lietas risinātas citādi, piemēram, cietā *i* rakstīšana daudzskaitļa nominatīvā un datīvā vārdiem, kas beidzas ar *-ls* un *-lys*: *sūls* — *sūly* — *sūlym*, *lels* — *lely* — *lelym* u. tml. Tomēr arī šeit, līdzīgi kā Latvijā, vienādi apzīmēti, piemēram, šaurie un platie *e*, *ē* — ar *e*. Paskaidrojumos par patskaņu izrunu platais *e* rādīts kā *ä*. Atzīmēts, ka runājot gan *viejs*, *miert*, *ciervs*, bet jārakstot — *vējs*, *mērt*, *cērvs*. 12. lpp. ievietotajā līdzskaņu tabulā šķirti cietie un mīkstie līdzskaņi — *t* un *t'*, *s* un *s'*. Lietvārdu locīšanas paradigmās atrodams *kotlys* un *bīdris*; vienskaitļa ģenitīvā ir vienīgi *ustobas* un *upes*; īpašības vārdu noteiktās galotnes rakstītas ar *-ajs*; skaitļa vārdiem rādītas divējādas formas: *divi* // *diveji*, *divas* (*i*) // *divejas*; pie nenoteiktajiem vietniekvārdiem ir arī *nazkas*, *kočkas*, *kočkurs*. Pie darbības vārdu formām atrodama arī atstāstījuma izteiksmes pagātne (*mozgōjs*, *mozgōjuse*), īpašs paragrāfs atvēlēts supīnam (*Jadviga un Zose aizgōja lynu klōtu*).

Latgaliešu valodas pareizrakstības jautājumu risināšana V. Daškevičas u. c. Krievijā dzīvojušo latgaliešu autoru grāmatās līdz ar latgaliešu rakstības atjaunošanos Latvijā mūsdienās iegūst jaunu nozīmību.

Izteikuma struktūras attīstības tendences latviešu prozā

1. Ar terminu *izteikums* saprot minimālu teksta vienību, ko rakstos norobežo ar teikuma beigu pieturzīmi, bet runā attiecīgi intonē. Izteikums ir dinamiskā sintakses aspekta parādība. Lielākā daļa izteikumu tekstā ir teikumi statiskā aspektā — to pamatā ir teikuma modelis jeb struktūras shēma, un tie ir kontekstuāli un situatīvi neatkarīgi. Līdzās konsituatīvi nesaistītiem izteikumiem sastopami reducēti izteikumi ar mainītu (nepilnu) teikuma struktūras shēmu, kā arī nosaucējvienības un t. s. izsacījumi, kas ar teikuma struktūru vispār nav saistīti.

2. Latviešu literārās valodas attīstības gaitā mainās dažādo izteikumu tipu īpatsvars prozas tekstos. Līdz apmēram 20. gadsimta 70. gadiem dominē konsituatīvi nesaistīti izteikumi. Reducējumi sastopami galvenokārt dialogos, jo sarunvalodā redukcija ir normatīvs tekstveides paņēmieni. Pēdējās desmitgadēs pieaug reducētu izteikumu skaits autora tekstā un parādās jauni reducējumu tipi.

3. Liela daļa reducētu izteikumu ir kontekstuāli motivēti, proti, trūkstošos struktūras shēmas komponentus iespējams konstatēt kontekstā. Ja motivētajvienība atrodas blakus reducētajai vienībai, pilnas teikuma struktūras atjaunošana un izteikuma adekvāta uztvere parasti problēmas nerada. Mūsdienu prozas tekstos neapšaubāmi palielinās tādu reducējumu īpatsvars, kam ir distanta motivācija, — trūkstošie struktūras shēmas komponenti izsecināmi no plašāka konteksta vai no runas situācijas. Šo izteikumu dziļās struktūras atjaunošana nereti ir problemātiska — tukšā sintaktiskā pozīcija piepildāma nevis ar konkrētu vārdformu, bet ar vispārīgu semantisku priekšstatu. Šādu vienību lietojums veido teksta daudznozīmību, vienlaikus pastiprina jēdzieniskās saiknes starp teksta daļām.

4. Daļa kontekstuāli motivētu izteikumu ir t. s. parcelāti. Parcelācija kā teikuma struktūras dalīšanas paņēmieni pazīstama jau sen — viena statiskā struktūra realizējas vairākās dinamiskās sintakses vienībās jeb izteikumos. Jau 19. gadsimta beigu un 20. gadsimta sākuma tekstos ir parasts parcelēt vienlīdzīgus teikuma locekļus, kā arī veselas teikuma daļas. Būtiskas pārmaiņas parcelātu struktūrā un lietojumā nav vērojamas. No teikuma aktuālā daļējuma viedokļa parcelāts vienmēr ir rēma, tādējādi parcelējot iespējams ar vienu statisku teikuma struktūru izteikt vairākas rēmas, piesātināt tekstu ar jaunu informāciju.

5. Par neapšaubāmu prozas valodas attīstības tendenci uzskatāms arvien plašākais nosaucējvienību lietojums. Šādu teksta vienību pamatā vispār nav teikuma struktūras — to uzdevums ir tikai nosaukt runas priekšmetu, neko par to neapgalvojot. Nosaucējvienību plašais izmantojums apliecina kāda dziļāka teksta jēgas līmeņa eksistenci, proti, teksta jēga nav tikai teikuma nozīmju summa. Predikatīvā struktūra teksta līmenī ir mazāk svarīga. Mūsdienu prozas tekstos īpaši izplatīti reducētu un parcelētu vienību, kā arī nosaucējvienību blīvējumi. Teksta saskaldīšana īsos un strukturāli nepabeigtos izteikumos palēnina, bet visai bieži arī apgrūtina teksta uztveri, palielina vārdos neizteiktā satura īpatsvaru.

6. Garu, struktūras ziņā sarežģītu saliktu teikumu lietojums latviešu prozas valodai raksturīgs kopš tās pirmsākumiem. Patlaban popularitāti gūst salikti bezsaikļa teikumi, kuros grūti nosakāms sintaktiskais sakars un jēdzieniskās attieksmes starp teikuma daļām. Nereti šādi izteikumi papildināti ar iespraustām un iestarpinātām konstrukcijām. To lietošana līdzās kompaktiem, struktūras ziņā nepilniem izteikumiem ir mēģinājums tekstu padarīt daudzslāņainu, informatīvi piesātinātu.

Leksikos taisymai **J. Jaknavičiaus „Ewangelie polskie y litewskie“ 1674 m. leidime**

1647 metais Vilniuje išleistos Jono Jaknavičiaus „Ewangelie polskie y litewskie“ laikomos seniausiu iki mūsų dienų išlikusiu šių evangelijų leidimu. 1674 metais šios Evangelijos jėzuitų buvo perleistos. Atlikus 1647 ir 1674 metų leidimų lyginamąją analizę, galima teigti, kad rytų aukštaičių tarmės ypatybės 1674 m. leidime išlaikytos, tačiau jo tekstas nemažai ir sąmoningai redaguotas.

1. 1674 m. Evangelijų rengėjas atsisako siauresnių rytietybių ir renkasi variantus, kurie vartojami autorių ar vertėjų, rašiusių viduriniu senųjų raštų variantu, bei paplitę didesniame aukštaičių tarmės plote, pvz.:

JE₄₇52₂₄₋₂₆ *Pateysef pateysef* → JE₇₄57₁₃₋₁₄ *Vžtieša vžtieša*,

JE₄₇128₁₉₋₂₁ *fuwerfiu* → JE₇₄134₁₅₋₁₆ *átaduofiu*,

JE₄₇133₂₃₋₂₅ *vnt dungćio* → JE₇₄139₂₁₋₂₃ *vnt stogo*,

JE₄₇46₁₂₋₁₅ *iřkuoptuř* → JE₇₄50₁₆₋₁₈ *iřkandážitus*).

2. 1647 m. Evangelijų leksinės gretimybės nuosekliai redaguojamos (jos taisomos apie 150 kartų):

JE₄₇140₂₂₋₂₄ *tikros galibes (ába tikro iřgaleimo)* → JE₇₄146₁ *tikro iřgaleimo*;

JE₄₇142₄₋₅ *dźiaukřman (aba linkřmiben)* → JE₇₄147₅₋₆ *linkřmiben*;

JE₄₇155₅₋₇ *Iaufkiteg (aba budekite)* → JE₇₄160₃ *iaufkiteg*).

Iš kelių sinoniminių variantų paprastai paliekama „vakarietiška“ leksema:

JE₄₇165₁₇₋₁₈ *řakiele (aba atažalá)* → JE₇₄171₁₀₋₁₁ *řakiele*,

JE₄₇29₂₀₋₂₄ *piumeni piukley / piuti* → JE₇₄32₁₈ *piuties*,

JE₄₇153₁₁₋₁₄ *pařawintiny (ába řukáľbetuiu ponnu)* → JE₇₄158₁₀₋₁₂ *řukáľbetuiu pánnu*
ir kt.

Leksinių sinonimų gausa rodo, kad rengiant 1647 m. leidimą rytinio raštų kalbos varianto normos dar nebuvo nusistovėjusios. 1674 m. Evangelijų redagavimas atspindi rytinio raštų kalbos vienodinimo pastangas.

Raita Makare (Rīga)

Vārdu cilme un leksikas attīstība

Vārdam, tāpat kā valodai, ir sava cilme un attīstība, kas saistīta ar parādību izziņu un atziņu bagātināšanos: 1) jaunvārdu rašanas un 2) esošo vārdu bagātināšanos ar jaunām nozīmēm.

Leksikas bagātināšanās galvenie avoti ir: 1) vārdu darināšana un 2) vārdu vai to nozīmju aizgūšana.

Mūsu nodoms ir vērst uzmanību uz šo procesu dažiem jautājumiem, kas praksē rada grūtības, izvirza problēmas.

Leksikas bagātināšanā pozitīvi tiek vērtēts vārdu darināšanas paņēmiens, īpaši no pašvalodas elementiem (sakne, afiksi), taču var arī izmantot internacionālas morfēmas (sal. *zeme* — *zemnieks* — *zemniecība* — *zemkopība*; *dialekts* — *dialektologs* — *dialektoloģija*).

Vārdus darina atsevišķi autori vai to grupa (komisija). Šajā procesā rodas problēmgadījumi: daži piedāvājumi ieiet valodā, bet dažus valodas lietotāji nepieņem. Tā, piemēram, no Kronvaldu Ata piedāvātajiem ap 130 vārdiem mūsdienās lieto tikai kādus 70.

Neveiksmes vārdu darināšanā vērojamas jau pirmajās latviešu vārdnīcās. Tā, piemēram, diezgan daudzi vārdi, kas doti Manceļa vārdnīcā (1638), sekojošās vārdnīcās ir pārveidoti vai aizstāti ar citu skaņu kompleksu, kas tiem ir mainījuši nozīmi (sal. *šaubīšana* — *šaubīšanās* — *šaubas*; *uzvarēšana* — *uzvare* — *pārspēja* — *uzvara*; *nikn(i)s* ‘ļauns’ — *dusmīgs*; *skriet* ‘laisties, lidot’ — ‘skriet’.

Arī aizguvumi ir sastopami jau pirmajās vārdnīcās: *grāmata* (skr. *gramoma* — gr. *γράμματα*) ‘vēstule’ — *breve* ‘vēstule’ — *vēstule* ‘vēstule’, *grāmata* ‘grāmata’.

Vārdu aizguvumi ir ļoti būtisks leksikas bagātināšanas avots. Taču maz pētīts ir jautājums, kādas funkcijas ir cittautiešiem aizguvumu ieviešanā latviešu valodā.

Un jau ar pirmajām vārdnīcām rodas problēma: pieņemams aizguvums vai barbarisms: *atbildēšana* — *antvarda* — *atbilde*; *mālēt* — *gleznot*, *krāsot*; *deķis* — *sega*; *beņķis* — *sols*; *ruds* — *brūns*; *zārks* — *šķirsts*; *šķēres* — *grieznes*; *telefons* — *tālrunis*.

Literārā valoda (arī leksika) allaž ir bijusi valodas kopēju aprūpē, un šis darbs dažādos laika posmos ir bijis ar dažādu intensitāti un atšķirīgiem mērķiem un sekmēm.

Pēdējos gados rusicismu kvalifikācija vairākos gadījumos ir neveiksmīga un anglicismu vērtējums ir palicis pašplūsmā. Kā kvalificēt latviešu valodā tādus vārdus kā *bestsellers*, *biznessmens*, *boss*, *brokers*, *fīlings*, *hanteris*, *imidžs*, *mārkets*, *nonsens*, *ofīss* u. d. c. Nav radīta sistēma, kas šos jautājumus pienācīgi risinātu. Ir gan terminoloģijas institūcijas, kas iespēju robežās nodarbojas ar minētajām problēmām, bet nav pievērsta vajadzīgā uzmanība to aizguvumu kvalificēšanai, kas ir arī vispārējās leksikas piederums.

Bronius Maskuliūnas (Šiauliai)

Veiksmāžodinēs posesyvinēs refleksyvinēs lietuvijū senujū raštū konstrukcijos

Veiksmui, atliekamam subjekto naudai, perteikti geriau dera sangražiniai veiksmāžodžiai, tačiau kartais ši reikšmė gali būti pasakoma ir nesangražiniai veiksmāžodžiai [LKG-II 1971: 195]. Todėl kalbāmosios veiksmāžodinēs konstrukcijos skirstytinos į dvi grupes.

Konstrukcijos su sangražiniai veiksmāžodžiai lietuvijū senuosiuose raštuose yra gana negausios. Jos dar skirstytinos į junginius su tiesioginės reikšmės sangražiniai veiksmāžodžiai ir junginius su netiesioginės reikšmės sangražiniai veiksmāžodžiai. Pirmuoju atveju veiksmas visiškai apribojamas subjekto sfera, o antruoju sangražos afiksas veiksmą su subjektu susieja papildomais ryšiais (žr. [Paulauskienė 1979: 46]).

Posesyvinēs refleksyvinēs konstrukcijos su nesangražiniai veiksmāžodžiai tiriamuosiuose raštuose žymiai gausesnės ir įvairesnės. Šios grupės konstrukcijų priskyrimą veiksmāžodinių konstrukcijų tipui motyvuoja tai, jog pagrindinė tokių junginių reikšmė yra posesyvinė, refleksyvumas čia yra antrinis dalykas, pasakymo prasmė iš esmės nepasikeičia ir nelikus eksplicitinio sangražos rodiklio, tai yra tokio pasakymo refleksyvumas gali būti suvokiamas ir implicitiškai. Šias konstrukcijas dar galima suskirstyti į keletą smulkesnių grupelių.

Konstrukcijos su sangražinio įvardžio naudininku. Subjekto interesams pabrėžti prie veiksmažodžio pridedamas sangražinio įvardžio naudininkas *sau* iš esmės atlieka tokią pat funkciją kaip ir sangražos dalelytė (plg. [Bernadišienė 1961: 93]). Daugiausia kalbamųjų konstrukcijų vartojama trečiojo asmens sferoje, naudininkas *sau* dažniausiai vartojamas su veiksmažodžiais, reiškiančiais ne nuosavybę, o jos gavimą (*imti, daryti, rinkti*). Apie nuosavybės turėjimą ar gavimą konstrukcijose su tokio tipo veiksmažodžiais galima spręsti iš veiksmažodžio veiksmo. Įvykio veiksmo reikšmę turinčių veiksmažodžių vientisinės ar sudėtinės formos rodo, kad įsigijimas jau įvykęs.

Konstrukcijos su sangražinio įvardžio adesyvu. Tai taip pat daugiausiai trečiojo asmens sferos junginiai, o sangražinio įvardžio adesyvas dažniausiai vartojamas su veiksmažodžiu *turėti*. Dabartinėje lietuvių kalboje tokio tipo konstrukcijose adesyvą paprastai atitinka inesyvas.

Implicitinė refleksyviojo posesyvumo raiška. Tam tikrais atvejais refleksyvusis posesyvumas gali būti reiškiamas nesangražiniu veiksmažodžiu, o tai, kad veiksmas atliekamas savo naudai, paaiškėja tik iš konteksto. Žinoma, tokie pasakymai nėra visiškai aiškūs, kartais jiems suprasti prireikia platesnio konteksto. Sangražiniai veiksmažodžiai kalbamosiose konstrukcijose dera žymiai geriau, todėl dabartinėje kalboje dažniausiai jie ir vartojami.

Apskritai veiksmažodinio refleksyviojo posesyvumo raiška aptariamuosiuose raštuose ne tokia gausi kaip, pavyzdžiui, įvardinė. Tuo tarpu dabartinėje lietuvių kalboje tarp refleksyviųjų posesyvumą reiškiančių priemonių vyrauja būtent sangražiniai veiksmažodžiai [Генюшене 1984: 99]. *Sau*, savo interesais atliekamo veiksmo reiškinys yra palyginti nauja sangražinių veiksmažodžių funkcija [Jakulienė 1967: 200]. Senųjų raštų konstrukcijų analizė bei jų lyginimas su dabartinės kalbos atitikmenimis leidžia daryti išvadą, kad refleksyviojo posesyvumo raiška lietuvių kalboje evoliucionuoja nuo analitinių prie sintetinių konstrukcijų.

Literatūra

- Bernadišienė 1961 — P. Bernadišienė. Sangražinių veiksmažodžių reikšmė ir vartoseną dabartinėje lietuvių literatūrinėje kalboje. Filologijos mokslų kandidato laipsnio disertacija. Vilnius, 1961.
- Генюшене 1984 — Э. Генюшене. Поссесивность и транзитивные рефлексивы в литовском языке, // Балто-славянские исследования 1983. Москва, 1984. — с. 95–101.
- Jakulienė 1967 — A. Jakulienė. Apie lietuvių kalbos sangražinių veiksmažodžių funkcijas // Baltistica, III(2), 1967 — p. 185–200.
- LKG-II 1971 — Lietuvių kalbos gramatika. T. 2. Vilnius, 1971.
- Paulauskienė 1979 — A. Paulauskienė. Gramatinės lietuvių kalbos veiksmažodžio kategorijos. Vilnius, 1979.

Эверита Милчонока (Рига — Санкт-Петербург)

Библейские цитаты в Латышской постилле Г. Манцеля (1654) в сравнении с изданием Библии под редакцией Э. Глюка

Г. Манцель, чей авторитет был неоспорим, несомненно оказал влияние на перевод Библии. В докладе обращается внимание на различия в переводах библейских текстов у Манцеля и Глюка. В известном смысле редакторская деятельность Глюка характеризовалась стремлением к модернизации текстов Манцеля, к приведению их в соответствие с представлениями о литературной норме во второй половине XVII века, к устранению и устаревших форм, лексем, конструкций, во время Манцеля ещё активно употреблявшихся. Анализ основывается на материале корпуса старолатышских текстов

(www.ailab.lv/SENIE), включающего памятники письменности XVI — начала XVIII в. и снабжённого программой конкорданса, представляющей искомые слова во всех засвидетельствованных контекстах.

Морфология

- Практически выходит из употребления Dat. Pl. на *-s* (*nabagiems* и с.), ещё весьма активный у Манцеля. Так, в Евангелии от Иоанна у Глюка у имён существительных встретились лишь две таких формы: *rokāms, mācekļiems*.
- Изредка встречающиеся у Манцеля древние формы компаратива на *-is* у Глюка заменены на современные: *un labis viņš ciete ar Dieva ļaudiem mokas un raizu* [M]. — *Un izvēlēja labāki ar tiem Dieva ļaudīm ļaunumu ciest* [G]. Кроме того, в значении компаратива Глюк употребляет конструкцию *jo* + положительная степень, не встретившуюся в просмотренной выборке из Манцеля (*tuvāki nāk* [M] — *jo klātu nāk* [G]).
- У Глюка встречаются более близкие к современным варианты основ некоторых слов: *cilta* [M] — *cilts* (*i*-основа) [G], *jūre* [M] — *jūra* [G], *manās loceklās* [M] — *manos locekļos* [G];
- Глюк отказался от разнообразия местоимений, используемых Манцелем: вместо *katrs, kaslaban, katers* [M], как правило, используется *kas* [G].

Словообразование

- Глюк часто использует приставочные глаголы там, где Манцель употребляет глагол без приставки: *un tina to autīs* [M] — *un tā ietine to autiņos* [G]; *bet ar savu darbu liedz tie to* [M] — *bet ar darbiem aizliedz tie viņu* [G]; *svētījiet un nelādieta* [M] — *svētījiet un nenolādieta* [G]. Противоположные случаи редки: *un tas izsacīja* [M] — *un viņš sacīja* [G]; *katri mums gir izsūtījuši* [M] — *kas mūs sūtījuši* [G], *uzlika savas drēbes* [M] — *like savas drēbes virsū* [G].
- Иногда Глюк выбирает другую глагольную приставку: *kurpes siksnius uzraisīt* (также *atraisīt*) [M] — *kurpju siksņas atraisīt* [G], *katrus viņš izredzējies gir* [M] — *kuŗrus viņš papriekš noredzējs* [G].
- Наблюдаются различия в глагольных суффиксах: *mīļojis* [M] — *mīlējis* [G]; *nastunesētājas* [M] — *nastu nesājas* [G].
- Другие словообразовательные варианты: *augstumā* [M] — *augstībā* [G], *tumsumā* [M] — *tumsībā* [G]; *iemantojiet to valstu* [M] — *iemantojiet to valstību* [G]; *redz lielu gaismu* [M] — *redz vienu lielu gaišumu* [G]; *gaišmā dzīvo* [M] — *gaišībā dzīvo* [G]; *proviētina* [M] — *praviete* [G]; *vēteklis (-e)* [M]. — *vētikla* [G].

Синтаксис

Глюк исправляет многие конструкции, объясняемые интерференцией немецкого языка, например:

- постпозиция несогласованного определения в родительном падеже (*sataisaita to ceļu tā kunga* [M] — *sataisait tā kunga ceļu* [G]); есть, правда, и обратные примеры (*grēku iepriecanāšana* [M] — *baudīšanu grēku* [G]);
- нелатышская модель императива (*laid mums noiet pie šiem neapgraižtiem* [M] — *eima pāri uz to lēģeri šo neapgraižītu* [G]);
- конструкции с наречием *iekš(an)* вместо местного падежа (*kas nāk iekšan kunga vārdu* [M] — *kas nāk tā kunga vārdā* [G]; *Hозиanna iekšan tās augstības* [M] — *Ozianna visaugstākās debesīs* [G]; *ne iekšan rīšanas un liekas dzeršanas* [M] — *ne rīšanās un plītēšanās* [G]); однако есть и обратные примеры (*kad Kīrenius zemes soģis Sīriū bī*

[M] — *kad Kīrenius (pār to) iekš Sīriās valdīja* [G]), а некоторые места остались без изменения (*iekšan īstenas taisnības* [M] — *iekš īstenas taisnības* [G]).

Тексты Манцеля и Глюка представляют материал, аналогичный тенденции некоторых латышских диалектов дифференцировать формы, зависящие от предлогов, и падежные формы в самостоятельном употреблении. Так, например, у Манцеля после предлогов, требующих в современном литературном языке генитива, употребляется аккузатив указательного местоимения (*no katru* [M] — *no kā* [G]) и генитив (специфическая диалектная форма) личного (*pī tōw* [M] — *pie tewis* [G]). Глюк после предлогов употребляет расширенные формы датива-инструменталиса (*pī man* [M] — *pie manim* [G], *priekšan tōw* [M] — *priekš tevīm, tavā priekšā* [G]), встречающиеся также и в самостоятельной функции дательного падежа (*lai tā manim palīdz*).

Из прочих особенностей синтаксиса можно упомянуть: различное глагольное управление (*šo visu izbēgt* [M] — *šim visam izbēgt* [G]), различные формы причастий (*to bērnu silītē gulot* [M] — *to bērniņu silē gultšu* [G]), выбор между причастием и придаточным предложением (*tie sakās / Dievu atzīstoši* [M] — *tie saka / ka tie Dievu pazīst* [G]).

Лексика

Многие различия в лексике связаны с адаптацией заимствований. Манцель иногда представляет в тексте оба варианта (оригинальный и адаптированный), Глюк же даёт только адаптированный вариант: *šī gir tā liecība Johanis (šī gir Jāņa liecība)* [M] — *un šī ir tā liecība Jāņa* [G]. Глюк заменяет также некоторые используемые Манцелем варваризмы: *savu apsolītu gaspažu* [M] — *savu saderētu sievu* [G], *šķinķojis* [M] — *dāvinās* [G].

Архаизмы или устаревшие значения по большей части встречаются у Манцеля, но есть и у Глюка: *aizto* ‘так как’ [M], *pils* ‘город’ [M], *arrieg* ‘ли (вопросительная частица)’ [M], *metekla* ‘дань’ [M]; *aizbildināšana* ‘ответ’ [G].

Лексические варианты могут объясняться выбором разных синонимов: *un tā vedēs savu pirmu dēlu* [M] — *un viņai piedzime savs pirmdzimtais dēls* [G]; *un paaukstena tos zemus* [M] — *un paceļ tos pazemošus* [G]; *rīšana* [M] — *liela ēšana* [G]; *saucams Balksnis* [M] — *saucama Balss* [G].

В текстах Манцеля и Глюка больше общего, чем различного⁵, совпадения наблюдаются в некоторых редких выражениях, исключая возможность случайности (напр., *Dieva rokās iekrist* ‘впасть в немилость’; *katri lepni metās savas sirds prātā* [M] — *kas grezni ir savā sirds prātā* [G]). Очевидно, авторитетный текст Манцеля служил во многом опорой для создания перевода Библии Глюком.

Юрий Владимирович Откупщиков (Санкт-Петербург)

Индоевропейские отглагольные прилагательные и формирование балтийских причастий претерита с суффиксом *-t-*

Как известно, наиболее распространёнными суффиксами и.-е. отглагольных прилагательных были суффиксы *-n-* и *-t-*. Именно производные с этими суффиксами легли в основу пассивных причастий претерита при окончательном формировании

⁵ Правда, иногда встречаются даже заметные изменения смысла: *trešs saka: man sētā darbu gan / negir man patapas baznīcā iet* [M] — *trešais sacīja: es esmu sievu apņēmis / tāpēc es nevaru nākt* [G].

системы причастий в большинстве и.-е. языков. Почему в каждом конкретном случае в причастиях выступает тот или иной суффикс — определить трудно. Так, можно отметить, что у славянских причастий с основами на *-и-* или *-ы-* причастия, как правило, образуются с суффиксом *-t-*: рус. *бить, вить, жить, лить, пить, шить* (лит. *siūtas*), *вить, мыть, ныть* (ср. *нытьё*), *рыть, (за)быть* и др. Здесь, кажется, вообще отсутствуют причастия (отглагольные прилагательные) или их производные с суффиксальным *-n-*; но ср. рус. *сделан, послан, сорван, создан* и т. п., где, напротив, причастия обычно образуются с помощью суффикса *-n-*. Однако подобного рода фонетические объяснения не очень надёжны уже в силу того, что имеется немалое количество параллельных причастий (и их производных), которые образуются на базе обоих суффиксов — *-t-* и *-n-*. Например, ст.-слав. *пѣ-н-ик* и *пѣ-т-ик*, др.-рус. *да-н-ь* и *(но)да-т-ь*. Даже в диалектах современного русского языка встречаются параллельные образования типа *колоный* и *колотый*, *молоный* и *молотый*. Конечно, скорее всего, это — не архаизмы, а новообразования: настолько глубоко у носителей русского языка лежит сознание синонимичности производных с суффиксами *-n-* и *-t-*. Показательно, что это интуитивно чувствуют даже дети. К. И. Чуковский рассказывает, как ребяташки «от двух до пяти» спорили между собой, нужно ли говорить, что лампа *зажгинá* или *зажгитá*.

В немецком языке Partizip II сильных глаголов образуется с помощью суффикса *-n-*, а слабых — с суффиксальным *-t-*. Однако имеется немало глаголов, которые образуют это причастие параллельно — с тем и другим суффиксом. Например, *weben* ‘ткать’ даёт две формы причастия: *gewoben* и *gewebt*. Ср. также Partizip II глаголов *spalten* ‘раскалывать’, *scheren* ‘стричь’ и др. От и.-е. корня **bhid-* ‘разбивать’ образованы древнеиндийские причастия *bhinnáh* (< **bhid-n-áh*) и *bhittáh* (< **bhid-t-áh*). В древнегреческом языке и.-е. отглагольные прилагательные с суффиксами *-n-* и *-t-* не были использованы при формировании системы причастий. Они так и остались отглагольными прилагательными типа *στευνός* (*στέγω* ‘покрываю’) и *λεκτός* (*λέγω* ‘избираю’ и др. значения).

В балтийских языках⁶ в процессе формирования пассивных причастий претерита произошла их унификация, при которой из двух и.-е. суффиксов отглагольных прилагательных был использован только один суффикс (*-t-*). Хотя балтийские языки относятся к группе северных языков (кроме балтийского, сюда входят ещё германский и славянский), формирование причастий претерита у них существенно отличается от той картины, которая наблюдается в германо-славянском ареале, где соответствующие причастия образуются с помощью обоих суффиксов (*-n-* и *-t-*). В то же время, использование единого суффикса *-t-* при формировании балтийских причастий претерита полностью совпадает с такой же унификацией этих причастий в латинском языке. Причём, там и здесь сохранились надёжные следы древних и.-е. отглагольных прилагательных с суффиксом *-n-*, но они — в отличие от германского, славянского и, например, древнеиндийского — не вошли в систему причастий. Так, лат. *decet* ‘подобает’ даёт производное с суффиксом *-n-*: **dek-no-s* > *dignus* ‘подобающий’. Лат. *lignum* ‘дерево’ ещё Варрон объяснил как **leg-no-m* — к глаголу *lego* ‘собираю’ (то есть ‘собранный в лесу хворост’, но причастие — *lēctus*!). В первом случае *dignus* — это отглагольное прилагательное (не причастие!). Во втором произошла субстантивация отглагольного прилагательного. То же наблюдается в литовском языке: *plóti* ‘плющить’

⁶ Здесь — в целях краткости — материал ограничен примерами из литовского языка.

даёт производные *plónas* (прилагательное = лат. *plānus* ‘плоский, ровный, имеющий сплюсненную форму’) и *plótas* (причастие). Лит. *bérnas* ‘парень’ (субстантивация) — к и.-е. корню **bher-* ‘нести, носить’, ср. др.-греч. *φέρμα* ‘плод (в утробе); отпрыск, ребёнок’, рус. *беременная* и др.

Но самое важное заключается в том, что и в латинском, и в литовском языке процесс вытеснения производных с суффиксом *-n-* новообразованиями с суффиксом *-t-* при формировании системы причастий протекал одинаково — подчас даже в рамках генетически родственных слов. Например:

лат. <i>plē-re</i>	→	<i>plē-n-us</i>	— отглагольные прилагательные
лит. <i>pìl-ti</i>	→	<i>pìl-n-as</i>	
Но:			
лат. <i>im-plē-re</i>	→	<i>im-plē-t-us</i>	— причастия
лит. <i>į-pìl-t-i</i>	→	<i>į-pìl-t-as</i>	

Как известно, генетическое родство между отдельными и.-е. языками было наиболее убедительно установлено лишь после того, как от изолированных лексических сопоставлений исследователи перешли к сопоставлениям грамматическим. Очень часто лексические изоглоссы являются результатом не генетического родства, а заимствования, причём в отдельных случаях остаётся неясным, кто у кого заимствовал, не говоря уже о возможности заимствования из третьего (не обязательно индоевропейского) источника. В этом отношении трудно переоценить значение изоглоссы, охватывающей целую грамматическую категорию пассивных причастий претерита. Эта важная изоглосса должна приниматься во внимание при определении места балтийских языков среди других языков индоевропейской семьи.

Norbert Ostrowski (Poznań — Warszawa)

Lietuvių kalbos denominatyvai su *-ja-*

Pranešime bus aptarti lietuvių kalbos denominatyvai su priesaga *-ja-* esamajame laike. Seniausias atrodo dvi grupės:

- 1) statyvai, pvz., *jėgti, -ia* ‘turėti jėgų, galėti’: *Marti jėgia sunkiai dirbti*;
- 2) kauzatyvai, pvz., su priesaga *-ėti, -ėja*. Senuosiuose liet. kalbos tekstuose galima surasti jų tris pavyzdžius:

(1) **nuodemėti** (: sliet. *nuodeme* SD 3.79):

Nuodemeiei iaunīstei DP 555.29 ‘Grzeszyłeś w młodości’.

(2) **šlovėti** (: sliet. *szłówe* ‘chwała’ DP 82.24):

szławu kam (sin. *szłowinu kam*) ‘błogosławię komu’ SD 3.18.

(3) **žymėti** (: sliet. *zime* ‘karb, kreska naržniona, napisana’ SD 3.97):

žimiu (sin. *petniuu, ziminiu*) ‘cechuię’ SD 3.27.

Kiekvienu atveju pagrindinis žodis yra daiktavardis su *ė*-kameni ir todėl teigiu, kad faktytyvai su *-ėti* buvo iš pradžių seni darybiniai žodžiai su priesaga *-ja-* kaip liet. *lōpas* → *lopiu*⁷. Jų raidą schematiškai galima parodyti taip:

žymė → *žymė-ja-* → *žym-ėja-* → *žym-ėti, -ėjo* (panašiai la. *zīmēt, -ēju*).

⁷ Plg. *lopiu* ‘latam co / sarcio, resarcio’ SD 3.149.

Šaltiniai

DP — Postilla Catholica. Tái est: Izguldimas Ewangeliu kiekvienos Nedelos ir szwętes per wissús metús. Per Kúnigą Mikaloiv Davkszą Kanoniką Médnikų... 1599 / Mikalojaus Daukšos 1599 metų Postilė ir jos šaltiniai / Red. Jonas Palionis. Vilnius, 2000.

SD 3 — Dictionarium trium lingvarum, In usum Studiosae Iuventutis, Avctore (...) Constantino Szyrwid... (1642) // Pirmasis lietuvių kalbos žodynas / Red. Kazimieras Pakalka ir kt. Vilnius, 1979.

Янис Розенбергс (Рига)

Проблематика (понимания) развития латышского литературного языка

0. В связи с происхождением и развитием латышского литературного языка имеется несколько проблемных вопросов, важнейшими (главными) из которых являются следующие:

- 1) понимание литературного языка;
- 2) происхождение литературного языка;
- 3) обстоятельства развития литературного языка;
- 4) истоки литературного языка;
- 5) современная ситуация литературного языка.

1. Литературным языком признана та разновидность языка, которая является общей для всего народа, имеющего письменный язык, и о которой сознательно заботятся.

Литературный язык разделяется на:

- 1) стиль литературного письменного (книжного) языка:
 - а) научный стиль;
 - б) деловой стиль;
 - в) некоторые жанры публицистического стиля;
- 2) разговорный стиль.

Имеются проблемные вопросы о границах литературного и нелитературного языка, о характере некоторых языковых средств на границе письменного литературного и разговорного языка. Такие проблемы были, есть и будут. Эти практические вопросы всегда должны находиться в поле зрения знающих язык, т. е. специалистов.

2. В связи с возникновением литературного языка имеются якобы две точки зрения: представители одной точки зрения склонны считать, что «основы современного латышского литературного языка заложены во второй половине XIX века», другие связывают начало развития литературного языка с развитием его письменности, что относится уже к более ранним столетиям.

Решение проблемы, кажется, можно искать в понимании (квалификации) литературного языка и современного литературного языка, а также в тех обстоятельствах, при которых развивались эти разновидности языка.

3. Создание и развитие литературного языка базируются на определенных данных, т. е. на имеющихся источниках. И по этим данным возможно сделать некоторые выводы о происхождении литературного языка и этапах его развития.

4. Из источников, факторов, данных о развитии латышского языка обычно называются следующие:

- 1) фольклор, особенно народные песни;
- 2) письменные тексты, начиная с XVI века, когда они по своему написанию и языку были примитивными и даже ошибочными, о чем Я. Эндзелин сказал: «Не язык этих текстов, а именно написание делает их нам чужими».

5. Современные факторы коммуникации выдвигают проблематику литературного языка. Данная проблематика связана с такими факторами, как неограниченное пространство при коммуникации, глобализация материальной и духовной культуры, а также такими филологическими процессами, как языковая модернизация и демократизация.

В философском смысле (как видно из лингвосоциальных выражений) выдвигаются следующие вопросы:

- 1) дальнейшие перспективы латышского языка;
- 2) соотношения литературного письменного и разговорного языка;
- 3) соотношения латышского языка и языков других народов Латвии;
- 4) функции литературного языка и диалектов;
- 5) какие вопросы языка и речи относятся к сфере деятельности языковедов.

Илья Александрович Сержант (Кёльн)

Некоторые заметки о восточнобалтийском локативе

1. Ad-Падежи (Адессив и аллатив)

1.1. Несмотря на то, что происхождение т. н. ad-падежей не является основной темой доклада, представляется необходимым учесть некоторые особенности их образования, поскольку адессивы содержат древние, нерасширенные окончания локатива, напрямую продолжающие индоевропейские локативные окончания. Для оценки лежащих в основе адессива локативных окончаний следует в первую очередь учесть, что их интонация, по-видимому, была изменена метатонически перед послелогом **p(r)ie / (*apie ?)*. Для этого достаточно сравнить All. Sg. *dievóp(i)* [Stang 1966: 228; Zinkevičius 1966: 210] и соответствующий генитив *diēvo* без переноса ударения по закону де Соссюра-Фортунатова, а также некоторые адессивные формы в латышском, напр. [ME II: 320]: *kùr* (= лит. *kuĩ*) но [ME II: 325] *kuĩp* (= лит. ***kùrp(i)*).

1.2. Как показывают формы адессива ед. числа *u-* и *i-*склонений, образование адессива происходило после действия закона Лескина о сокращении акутированных ауслатных долгот, ср. *sūnùp* [Zinkevičius 1966: 202] < **sūnù + pi* < **sūnù* < **sūn-úo* < **sūn-ōu* (ср. др.-инд. Лок. ед. ч. *paśau*).

1.3. Из вышеприведённого следует, что сохранившиеся формы адессива *a-*склонения ед. ч. *bóbaip* (1), *mergáip / mergaĩp* (4) [Zinkevičius 1966: 222] должны были иметь изначально циркумфлексную интонацию, т. к. они не сократились по закону Лескина вместе с соответствующими окончаниями *u-* и *i-*склонений.

2. Локатив ед. ч. **ā-*, **-īīā-* (*ē*)-склонений

2.1. По нашему представлению, индоевропейское окончание локатива ед. ч. *a-*склонения **-aH₂-i* должно было дать в балто-славянском после падения ларингалов циркумфлексное окончание **-aĩ*, которое и представлено, как было изложено в **1.3.**, в форме адессива ед. ч. *bóbaip* (1), *mergáip / mergaĩp* (4) [Zinkevičius 1966: 222].

2.2. Современная форма локатива ед. ч. с расширителем *raĩņkoj-e*, верхнелат. *rūkā* (среднелатышская форма восходит скорее к иллативу, см. [Vanags 1994: 125] и [Seržants 2003: 110–111]) очень древняя, поскольку, как представляется, восходит к эпохе до падения ларингалов, т. к. представляет иную силлабификацию (**-aH₂j-V > *-āj-V*), нежели форма нерасширенного локатива, упомянутого выше.

2.3. Фонетическая форма расширителя не позволяет сопоставить его с широко распространенным в индоевропейских языках предлогом **H₁en* (напр., лтш. *ie-kša*), поскольку восстанавливаемая форма (**-ēn*) не соответствует ему квантитативно и тонально.

2.4. Таким образом, восточнобалтийские языки сохранили оба *sandhi*-варианта окончания локатива *a*-склонения — перед гласным и перед согласным.

2.5. Хотя в современном литовском расширитель присутствует во всех окончаниях локативов, представляется возможным показать, что расширитель в ед. ч. *a*-склонения значительно древнее, чем во всех остальных окончаниях локативов. Учитывая также, что его присоединение к индоевропейской форме локатива ед. ч. *a*-склонения должно было произойти до падения ларингалов, можно сделать предположение, что данный расширитель присутствовал в определенном диалектальном ареале индоевропейского языка и был в употреблении факультативен. Напрашивается связь с индийским локативом, где именно в *a*- и *ī*-склонении (последнее в балтийских языках не сохранилось) ед. ч. присутствует расширитель *-ām*, фонетически полностью соответствующий реконструируемому балтийскому расширителю **-ēn*. Автором также предполагается возможность его присутствия и в некоторых локативных наречиях (старо-)хеттского языка.

Литература

- ME — K. Mūlenbachs. Latviešu valodas vārdnīca / Redīgējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. Rīga, 1923–1932.
- Seržants 2003 — I. Seržants. Intonationen in den suffixalen und Endsilben im Lettischen. Synchronie und Diachronie // BF XII(1), 2003 — 83.–123. lpp.
- Stang 1966 — Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo, 1966.
- Vanags 1994 — P. Vanags. Die Entwicklungstendenzen der Kasusendungen in den ältesten lettischen Sprachdenkmälern // Linguistica Baltica 3, 1994 — S. 121–130.
- Zinkevičius 1966 — Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.

Nijolė Taluntytė (Kaunas)

XVIII a. Kauno regiono toponimija: kalbų sąveikos reiškiniai

Pranešimas parengtas pagal XVIII a. Kauno dekanato parapijų rankraštinis aprašus. Toponimai lokalizuoti pagal XX a. pr. lenkišką ir 1998 m. lietuvišką kartografiją, dabartinės formos paimtos iš „Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinyno“.

Darbo tikslas — aptarti būdingesnes slaviškos kilmės oikonimines struktūras, aptinkamas XVIII a. šaltinyje ir jų norminius atitikmenis dabartinėje lietuvių kalboje. Šaltinyje užrašyti oikonimai, susidarę iš apeliatyvinių vietos pavadinimų. Iš daugiau nei pusantro tūkstančio Kauno regione užrašytų XVIII a. toponimų, slaviškos apeliatyvinės kilmės oikonimų išties yra labai nedaug, iš viso apie 40 lyčių. Tuo nereikia stebėtis, nes Kauno regionas sudaro dabartinės Lietuvos centrinę dalį, neturi pasienio su slavais. Tai nėra paribio kalbų sąveikos zona, todėl šioje teritorijoje ypač ryškus Lietuvos Didžiosios kunigaikštijos oficialiųjų kalbų paveldas. XVIII a. lenkų kalba įsitvirtino kaip oficialioji

valstybinė kalba, todėl ryškiausiai oikonimuose išliko lenkų kalbos įtakos. Ankstesnės, t. y. Senosios Lietuvos Didžiosios kunigaikštijos kanceliarinės (baltarusių) kalbos relikto šio tipo oikonimijoje aptikti gana sunku, matyt, šie likiniai buvo aplenkinti ir jau XVIII a. juos aptikti yra gana sudėtinga.

Gretinant XVIII a. ir dabartines oficialiąsias lietuviškas oikonimų lytis, jas galima klasifikuoti pagal toponiminę motyvaciją. Slaviškos apeliatyvinės kilmės oikonimai pagal struktūrinę semantinę motyvaciją sudaro dvi grupes: iš fiziografinių terminų susidarę oikonimai vadinami fiziografiniais; kultūrinių oikonimų grupę sudaro du pogrupiai: pavadinimai iš amatų, verslų ir gynybinių objektų bei žemėvaldiniai — susidarę iš žemėvaldos terminų ir žemėvaldos plėtros pavadinimų.

Iš fiziografinių terminų susidarę oikonimai yra bilingvistiniai dubletai: priesaginės struktūros (*Dembina* : *Ažuolinė*); priešdėlinės struktūros (*Zaborze* : *Užšiliai*), (*Zarzecze* : *Ūžupiai*). Tačiau išliko ir slaviškos struktūros pavadinimų, kurie dabartiniame lietuvių vardyne laikytini hibridais su aplietuvinta daugiskaitos galūne *-(i)ai* (*Perłazy*: *Perelazy*, plg. bltr. *nepалаз*; dabar *Perelōzai*).

Priesaginės oikonimų struktūros su lenkiška priesaga *-owa* formavosi vietoje, iš apeliatyvų, nebuvo atneštinės, nes vėliau matomas priesagos *-owa* kitimas į *-owo*, pagal lenkų toponimams būdingą priesagos *-owa* kitimą į niekatrosios giminės *-owo* (*Dębowa*, plg. lenk. *Dębowa*: būdvardis *dębowy*: *dąb*; *Dembowo*, dab. *Dambavà*; *Dombrowa*, *Dąbrowa*, plg. lenk. *Dombrowa* : *Dąbrowa* : *dąbrowa* ‘neįdirbta lapuočių miško ar krūmynų žemė, kurioje esama ažuolų’: *Dombrowo*, dab. *Dambravà*; *Dzięcielowa* iš lenk. moteriškosios giminės būdvardžio *dzięcielowa*: lenk. *dzięciół*, *dzięciel* (plg. lenk. *Dzięciółowo*); XIX–XX a. pr. lokalizuota *Dzieńciółówka*, priesagos *-ówka* vedinys, dab. *Dženčialáuka*; *Jiesienowa*, užrašyta iš klausos; substantyvuotas būdvardis iš **Jesionowa buda* — pirmasis komponentas lenk. būdvardis *jesionowy*, *-a*: lenk. *jesion*, *jasion* (plg. kartografinės gretimybės *Brzezowa Buda*, *Dembowa Buda*); lokalizuota *Jasionowo* (XX a. pr. kartografija), dab. *Jasenava*. Dabartinės lietuviškos lytis su priesaga *-ava* yra hibridinės, susidariusios fonetinės morfologinės pakaitos būdu. XVIII a. priesaginių struktūrų būta gausiau, pvz., *Hałynka*: **hał-ynka*, slaviškos diminutyvinės priesagos *-ynka* vedinys iš lenk. *hało* ‘laukymė miške, bala’.

Oikonimai, kilę iš amatų, verslų ir gynybinių objektų pavadinimų yra susidarę iš slaviškų apeliatyvų arba iš lenkų kalbos germanizmų, paprastųjų žodžių ir priesaginių struktūrų: *Słoboda*, lenk. *słoboda* ‘laisvųjų valstiečių gyvenvietė’, bltr. *слабада*; dab. *Vilijampolė* (Kauno miesto dalis), miesto gyventojų vadinama *Slabadà*; *Słobodka*, plg. lenk. *słobod-ka*, bltr. *слабодка* (pavadinimas neišlikęs). *Glinka*: lenk. *glin-ka* ‘molynė, duobė, kurioje kasamas molis’; pavadinimas neišliko. *Smolnica* iš vietos, kurioje buvo gaminama derva, pavadinimo, priesagos *-nica* vedinys iš lenk. *smoła*, bltr. *смала*, dabar *Smalinyčia*, priesagos *-(i)nyčia* vedinys iš liet. slavizmo *smalà*. Atitrauktas kirtis rodo, kad lietuviškos lyties dubletinei formai įtakos turėjo slaviškasis variantas. *Szaniec*, lenk. *szaniec* (skolinys iš germanų kalbų) ‘karinis apkasas, sampilas, apžvalgos laukas’, *Szancy górne, niżne* (XX a. pr. kartografija); dabar *Šánčiai* (Kauno miesto dalis).

Sudėtiniai oikonimai, kilę iš verslovių pavadinimų, XVIII a. vardyne yra slaviškos struktūros, su lenkų kalbai būdinga konstrukcine sandara: oikoniminių opozicijų būdvardinis komponentas yra antroje vietoje: *Buda stara*, dabar *Senóji Budà*, *Buda wysoka*, dabar *Aukštóji*; *Huta Stara*, lenk. *huta* (iš germanų *Hütte*) ‘verslovė, kurioje iš rūdų lydomas metalas arba gaminamas stiklas’ (išliko *Naujóji Ūtà*, antrasis komponentas — su žodžio pradžios kontrakcija iš *Huta*), bet gali būti ir tiesioginis germaniškas skolinys lietuvių

toponimijoje (numesta lietuviams svetima fonema *h*). *S: Krzyż* (XVIII a. rašytinė lytis) iš lenk. *święty krzyż*, XVIII a. Kauno miesto dalis, kurioje buvo *Šventojo kryžiaus* bažnyčia; pavadinimas neišlikęs.

Iš žemėvaldos terminų ir žemėvaldos plėtros pavadinimų atsiradę pavadinimai yra taip pat slaviški apeliatyvai: paprastieji pluralia tantum (*Przydatki*, dabar *Pridotkaĩ*), sudurtiniai (*Nowopole*, dabar *Naujālaukis*; *Nowosady*, dabar *Navasōdai*; *Nowosady*, dabar *Naujāsodžiai*) ir sudėtiniai (*Wysoki Dwór*, dabar *Aukštādvaris*). Sudurtiniai pavadinimai susiformavę iš sudėtinių konstrukcijų, plg. XVIII a. pavadinimus: *Nowa Osada*, *druga Nowa Osada*.

Paprastosios ir priesaginės struktūros dabartiniuose pavadinimuose aplietuvintos fonetiškai, sudėtinių pavadinimų įvardžiuotiniai būdvardiniai dėmenys yra pirmoje vietoje (*Senóji Budà*) arba yra sudurtiniai dariniai (*Aukštādvaris*).

XVIII a. lenkų kalbos oikoniminės lytys rodo, kad lenkų kalba Lietuvos Didžiojoje kunigaikštijoje nebuvo vien oficialioji rašto kalba. Išplitusi bajorijos ir kitos aukštuomenės sluoksniuose, ši kalba paliko žymių ir regiono toponiminiame vardyne. Slaviškos (resp. lenkų) kalbos, dažnai kaip gretiminės, t. y. dubletinės lytys formavosi gyvojoje kalboje ir išliko kaip oniminis bilingvistinis paveldas dabartiniame lietuvių oikonimijos vardyne.

Šaltiniai ir literatūra

- Dekanat Kowieński Ro(k) 1784, parafji: Wysoki dwór, Bobty, Dorsuniszki, Giegużyń, Jezno, Kowno, Kormiałowo, Kietowiszki, Kozakiscki, Maryjampol, Poniemoń, Poporcie, Preny, Rumszyszki, Skorulie, Užugośc, Żoslie — Lietuvos valstybinis istorijos archyvas, SA 19247.
- Metryka litewska: Rejstry podymnego Wielkiego księstwa litewskiego. Województwo trockie 1690 r. Opracował Henryk Lulewicz, Warszawa, 2000.
- Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas, II dalis, Vilnius, 1976.
- Nazwy miejscowe polski, t. I–III, Kraków, 1996–1999.
- Razmukaitė M. Lietuvos priesaginiai oikonimai: humanitarinių mokslų daktaro disertacija, Vilnius, 1998.
- Słownik ilustrowany języka polskiego, Wydawnictwo M. Arcta w Warszawie, t. I–III, 1916.
- Naujosios Rytų Prūsijos karinis topografinis žemėlapis, išleistas 1807 Berlyne — Mokslų akademijos biblioteka, Retų spaudinių skyrius. K-1203, lap. II–IIa.
- Kartografijos komplektas Karte des westlichen Ruslands, 1914 — Kauno apskrities viešoji biblioteka. Retų spaudinių skyrius.
- Kartografijos komplektas Lietuva 1 : 50 000, Valstybinė geodezijos ir kartografijos tarnyba, leid. 1. VGKT, 1998.

Anta Trumpa (Rīga)

Latv. *vārgs* un liet. *vargùs* semantiskās atšķirības

Latviešu valodas īpašības vārds *vārgs* ‘vājš, nevarīgs, nespēcīgs’ un lietuviešu valodas īpašības vārds *vargùs* ‘grūts, nogurdinošs’ ir vienas cilmes vārdi. Lai arī šie vārdi ir semantiski tuvi, tomēr to nozīmes katrā no minētajām valodām ir atšķirīgas. Etimologi šos adjektīvus saista ar liet. *vařgas* ‘posts, trūkums, grūtības, nabadzība’, *vařgti* ‘ciest grūtības, trūkumu, dzīvot trūkumā, nabadzībā, mocīties, pūlēties’, *vārginti* ‘nogurdināt, mocīt’, *varginùs* ‘nogurdinošs, mokošs’, *vargūlis* ‘nabags, trūkumcietējs’, *vařgšas* ‘t. p.’, *vėrgas* ‘vergs’, latv. *vārgs*, *vārgt*, *vārdzināt*, *vārguôt*, *vārgulis*, *vārgdienis*, senpr. *wargan* ‘ļauņums, bēdas, briesmas’, *wargs* ‘ļauņš’, *wargē mien* ‘es nožēloju’, *pawargan* ‘nožēla’, slāvu *вpaгъ* ‘ienaidnieks’, poļu *wróg* ‘t. p.’, serbhorvātu *vrāg* ‘velns’, kr. *вóроз* ‘velns, ienaidnieks’ u. c. (E. Frenkels), slovāku *vrah* ‘slepkava’ un kā iespējami radniecīgus min gotu *wrikan* ‘vajāt’, *wraks* ‘vajātājs’, latīņu *urgeō* ‘spiežu, dzenu’ (M. Fasmers).

Visi šeit minētie radniecīgie ide. vārdi, tajā skaitā arī latv. *vārgs* un liet. *vargùs*, ir saistīti ar ciešanām, grūtībām, nelaimi, ļaunumu.

Referātā, balstoties uz vārdnīcu, seno tekstu un folkloras materiāliem, tiks mēģināts noskaidrot, vai un kādi nozīmes pārmaiņas procesi ir notikuši latviešu un lietuviešu valodā un kura valoda — latviešu vai lietuviešu — ir saglabājusi senāku nozīmi.

Lietuviešu valodas 20 sējumu vārdnīcā īpašības vārdam *vargùs* sniegtas šādas nozīmes: 1. 'grūts, tāds, kam ir grūtības, tāds, kas sagādā rūpes, nogurdinošs'; 2. 'nabadzīgs'; 3. 'novārdzis, savārdzis, kļuvis nespēcīgs'; 4. 'tāds, kas prasa daudz pūļu, grūts, nogurdinošs, sarežģīts'. 1. un 4. nozīmei piemēri doti gan no K. Daukšas darbiem (1595) u. c. senākiem izdevumiem, gan no mūsdienu autoru darbiem (V. Bubnis), kā arī no dažādām izloksnēm. 2. nozīme 'nabadzīgs' lietota retāk, piemēri ir galvenokārt no izloksnēm un 20. gs. sākuma autoru darbiem. Savukārt 3. nozīmei 'novārdzis, savārdzis, nespēcīgs' ir doti tikai daži piemēri — no Aknīstes un kāda literāra darba —, tādējādi tas, visticamāk, ir semantisks aizguvums no latviešu valodas. Spriežot pēc šajā vārdnīcā minētajiem piemēriem, var secināt, ka liet. *vargùs* 'grūts, nogurdinošs' savu pamatnozīmi nav mainījis vismaz kopš 16. gs. beigām.

Jāpiebilst gan, ka mūsdienās vārds lietots reti. Biežāk sastopami adverbji *vaŗgiai* 'ar grūtībām' un *vargù* 'grūti; nez vai'.

Savukārt latviešu valodas vārdam *vārgs* vēl 18. un 19. gs. vārdnīcās bez mūsdienu nozīmes 'vājš, nevarīgs' minētas arī citas nozīmes: piemēram, G. F. Stendera vārdnīcā (1789) *vārgs* skaidrots kā 'slimīgs, vājš', G. Bražes (1875) vārdnīcā kā 'vārgulīgs, slikts', K. Valdemāra vārdnīcā (1879) kā 'vājš, gurdens'.

17. gs. tekstos īpašības vārds *vārgs* lietots tikai dažas reizes, pēc konteksta spriežot, ar nozīmēm 'vājš' un 'slims'. Biežāk te minēti citi šīs saknes vārdi, piemēram, *vārgs* 'vergs, kalps', *vārgošana* 'ciešanas', salikteņi *vārguzeme* 'posta vieta, nelaimīga zeme' *vārgunams* 'slimnīca'.

Latviešu tautasdziesmās vārds *vārgs* lietots ar nozīmēm 'grūts, slikts, vājš'.

19. gs. beigu un 20. gs. sākuma literatūras klasikā un latviešu tautas pasakās un ticējumos vārds *vārgs* vairs lietots tikai ar mūsdienu nozīmi 'vājš, nespēcīgs'.

Spriežot pēc senajām vārdnīcām, senajiem tekstiem un folkloras materiāla, latv. *vārgs* vēl 18. un 19. gs. ir bijis daudznozīmīgs, tam piemītušas nozīmes 'vājš, slims, slimīgs, grūts, slikts, tāds, kas cieš', taču jau 19. gs. beigās sākusi dominēt mūsdienu nozīme 'vājš, nespēcīgs'. Lai gan vārds *vārgs* ar nozīmi 'vājš' lietots jau 17. gs. tekstos, balstoties uz pārējo ide. valodu materiāliem, gribētos izteikt hipotēzi, ka šī nozīme ir jaunāks atvasinājums: 'slims; tāds, kas cieš; tāds, kam ir grūti' → 'slimības, ciešanu, grūtību novājināts' → 'vājš'.

Inta Urbanoviča (Rīga)

Latviešu literārās valodas stilistiskās diferencēšanās vēsturiskie izpētes avoti

1. Literārā valoda ir apzināti normēta, standartizēta nacionālās valodas apakšsistēma, kuras galvenais uzdevums ir nodrošināt saziņu starp kolektīva locekļiem dažādās komunikatīvajās sfērās — ikdienā, lietišķajā vidē, zinātnē, kultūrā u. c. Šī komunikatīvo sfēru daudzveidība nosaka literārās valodas polifunkcionālumu.

2. Latviešu valodnieku teorētiskajos aprakstos par literārās valodas daudzveidību dominē čehu funkcionālās valodniecības pamatatziņas. Literārās valodas funkcionālie paveidi tiek dalīti atbilstoši galvenajām literārās valodas funkcijām:

- sarunvalodas sfēra (komunikatīvā funkcija),
- lietišķās valodas sfēra (praktiski speciālā funkcija),
- zinātnes valodas sfēra (teorētiski speciālā funkcija),
- poētiskās valodas sfēra (estētiskā funkcija).

3. Latviešu valodniecībā nav vienota uzskata par literārās valodas cilmi, tomēr, analizējot funkcionālo aspektu, jāpiekrīt atzinumam, ka literārās valodas cilme ir heterogēna — tās pamatā ir dažādi avoti. Liecības par latviešu valodas diferencēšanos ir atrodamas gan folkloras materiālos, gan pirmajos fiksētajos tekstos. Par galvenajiem literārās valodas avotiem tiek izvirzīti:

- folkloras (īpaši tautasdziesmu) valoda,
- dzīvā tautas sarunvaloda,
- agrāko rakstu valoda.

4. Folkloras valoda ir viens no galvenajiem literārās valodas avotiem, tomēr funkcionālajā aspektā tā pārstāv tikai atsevišķas valodas funkcionālās sfēras. Folkloras materiālos dominē valodas poētiskā funkcija, kas tiek izmantota arī saziņas sfērā, veidojot stilizētu literārās sarunvalodas atspoguļojumu fiksētajos materiālos.

5. Dzīvā tautas sarunvaloda vēsturiskajos materiālos ir atrodama ļoti ierobežoti, jo latviešiem vairākus gadsimtus nebija pašu rakstīto tekstu. Tomēr ir izteikti atzinumi, ka dzīvās sarunvalodas rekonstrukcija senajos rakstu pieminekļos ir iespējama. Kā sarunvalodas izpētes avots varētu noderēt latviešu leksikogrāfija, jo materiāls latviešu valodas vārdnīcās liecina par to valodu, kas bija aktīva noteiktos laika posmos.

6. Analizējot valodas funkcionālo paveidu attīstību, latviešu rakstu pieminekļi jeb t. s. veclatviešu teksti piedāvā vislielāko dažādību. Kopš rakstu sākumiem latviešu valodā ir teksti, kas pārstāv visas valodas sociālās funkcijas. Jau pirmajos tekstos, kas ir saglabājušies līdz mūsdienām, parādās poētiskā paveida aizmetņi, kas tiek lietoti gan reliģiska, gan laicīga satura tekstos. Valodas poētiskajai funkcijai rakstu valodā ir īpaša nozīme, tāpēc šī paveida elementi atrodami daudzos materiālos. Tie teksti, kas nodrošina saziņu sociālajā sfērā, arī ir pieejami kopš latviešu rakstu sākumiem. Sarunvalodas paveids ir fiksēts, piemēram, dažādos daiļdarbos, publicistikā u. c. Šajos materiālos vērojama noteikta valodas līdzekļu atlase un organizēšana, tāpēc tos nevar uzskatīt par spontānas runas atspoguļojumu. Lietišķās sfēras valodas paveida tradīcijas ir atrodamas gan tiesu dokumentācijā, gan likumu krājumos, gan publicistikā. Pirmie zinātniskā paveida teksti latviešu valodā ir saistīti ar praktisko sfēru, tie ir dažādi pamācību, padomu materiāli, kā arī populārzinātniskie teksti. Akadēmiskās literatūras tradīciju aizsākumi meklējami pirmajās latviešu valodas gramatikās.

7. Apzināta valodas elementu apvienošana paveidos un šo paveidu izmantošana noteiktos komunikatīvajos apstākļos latviešu rakstu valodā ir vērojama kopš 19. gs. otrās puses. Dažādu tekstu autori izmanto jau aizsāktās stilistisko izteiksmes līdzekļu izvēles tradīcijas, attīstot un papildinot tās. Lai varētu pilnīgāk raksturot valodas funkcionālos paveidus, lai varētu klasificēt to tipiskās iezīmes un attīstības tendences, ir nepieciešams analizēt visus literārās valodas izpētes avotus un sastatīt tos vienotā pētījumā.

Par kādu neatšifrētu saīsinājumu K. Mīlenbaha un J. Endzelīna «Latviešu valodas vārdnīcā»

K. Mīlenbaha un J. Endzelīna «Latviešu valodas vārdnīcas» pamatsējumos ir izmantots saīsinājums «Wid.», kas nav iekļauts nevienā no pievienotajiem saīsinājumu sarakstiem.

Izmantojot MII Mākslīgā intelekta laboratorijā izveidoto šīs vārdnīcas pamatsējumu elektronisko variantu, analizēts šķirkļu kopums, kur sastopams saīsinājums «Wid.». Minētais saīsinājums izmantots 2385 K. Mīlenbaha un J. Endzelīna «Latviešu valodas vārdnīcas» pamatsējumu šķirkļu skaidrojumos.

Šķirkļu kopuma analīze ar saīsinājumu «Wid.» veikta pēc šādiem kritērijiem:

- 1) šķirkļu mikro- un makrosistēmas plašums (raksturīgi, ka materiāls no avota — Wid. — izmantots tad, kad atbilstošo nozīmi vai nozīmes niansi neatklāj citi avoti, piemēram, *āžluoki, bārbele* (1), *braulība, ciculiņi, daudzrunīgs*);
- 2) leksēmu reģionālā piederība resp. līdzās fiksētais izplatības areāls (atsevišķos gadījumos reģionālā izplatība ir pārņemta no avota piemēram, *baubt* ‘brüllen’ Infl. n. Wid. (= Latgalē pēc Wid.), *ārdūonis* Lōs. n. Wid. (= Lizumā pēc Wid.); bieži blakusreģistrējumi ir no dažādiem Latvijas reģioniem, piemēram, *blīgzna* — Vidzemes sēliskās izloksnes, *bulbe* — augšzemnieku dialekta izloksnes, *cebe* — vidus dialekta zemgaliskās izloksnes);
- 3) nozīmju skaidrojuma pieraksts (sastopami vairāki skaidrojuma pieraksta veidi: skaidrojums dots vācu valodā bez papildu zīmēm, piemēram, *blūva, bumbināt*; skaidrojums vācu valodā dots pēdiņās, piemēram, *blīgzna, cirpele*^{II}; skaidrojums krievu valodā dots pēdiņās, piemēram, *šķinis*; nozīmi atklāj ilustratīvais materiāls, kas dots pēdiņās, piemēram, *dangra* „luopu iemīta pēda“ u. c.);
- 4) avota sarakstīšanas (?) laiks (avota sarakstīšanas vissenāko laiku var noteikt pēc atsaucēm uz izmantotajiem avotiem, piemēram, šķirklī *cildīt* dotā atsauce uz Rīgas Latviešu biedrības Zinību komitejas Rakstu krājuma 16. laidieni (1912), šķirklī *ciētnējs* dotā atsauce uz R. un M. Kaudzītes romānu «Mērnīeku laiki» (1879) un šķirklī *dīglība* dotā atsauce uz K. Kundziņa monogrāfiju «Kronvalda Atis» (1905), ļauj avotu «Wid.» datēt ar 20. gadsimta sākumu);
- 5) avota veids (ņemot vērā prievārdu lietojumu vācu valodā, samērā droši var secināt, ka izmantotais avots ir rakstveida, jo izmantoti prievārdi *nach, bei*).

Ar saīsinājumu «Wid.» apzīmētais avots varētu būt samērā plaša latviešu valodas tulkojošā div-, trīsvalodu vārdnīca, kas sastādīta 20. gs. pirmajā divdesmitgadē un, iespējams, bijusi sastopama tikai rokrakstā.

Содержание

От редактора	3
<i>A. В. Андронов (Санкт-Петербург)</i> . В поисках петербургского экземпляра Катехизиса М. Даукши.....	5
<i>A. Bankavs (Rīga)</i> . Gallicismu loma latviešu valodas vēsturē.....	5
<i>O. Бушс (Rīga)</i> . Маргиналии Христофа Хардера (1828) — памятник истории лексики латышского литературного языка	7
<i>V. Vasiliauskienė (Kaunas)</i> . Daiktavardžio ir įvardžio genityvo postpozicija XVI–XIX a. lietuvių rašomojoje kalboje	9
<i>A. Д. Даугавет (Санкт-Петербург)</i> . О продлении гласных перед тавтосиллабическим <i>r</i> в латышских говорах	10
<i>A. В. Дубасова (Минск — Санкт-Петербург)</i> . К вопросу о становлении балтийского консонантизма	11
<i>G. Kavaliūnaitė (Vilnius)</i> . Adesyvas ir inesyvas Samuelio Boguslavo Chylinškio Naujojo Testamento vertime	13
<i>O. Kažukauskaitė (Vilnius)</i> . Du Lauryno Ivinskio žodynai Sankt Peterburge	14
<i>В. П. Казанскене (Санкт-Петербург)</i> . Семантика корня * <i>ei-</i> и внутренняя форма производных от него слов в литовском языке.....	15
<i>A. Kalnača (Rīga)</i> . Submorfi un morfēmu attīstība	17
<i>S. Kļaviņa (Rīga)</i> . Rīgas Latviešu biedrības Valodniecības nodaļas (1904–1940) darbība latviešu literārās valodas normu noteikšanā un izplatīšanā.....	18
<i>Ю. Лаучюте (Клайпеда)</i> . Языковые контакты во времени и в пространстве (на материале балтийских и славянских языков)	19
<i>L. Leikuma (Rīga)</i> . Veras Daškevičas latgaliešu valodas grāmatas skolai.....	21
<i>I. Lokmane (Rīga)</i> . Izteikuma struktūras attīstības tendences latviešu prozā.....	23
<i>M. Lučinskienė (Vilnius)</i> . Leksikos taisymai J. Jaknavičiaus „Ewangelie polskie y litewskie“ 1674 m. leidime.....	24
<i>R. Makare (Rīga)</i> . Vārdu cilme un leksikas attīstība	24
<i>В. Maskuliūnas (Šiauliai)</i> . Veiksmazodinės posesyvinės refleksyvinės lietuvių senųjų raštų konstrukcijos.....	25
<i>Э. Милчонока (Rīga — Санкт-Петербург)</i> . Библейские цитаты в Латышской постилле Г. Манцеля (1654) в сравнении с изданием Библии под редакцией Э. Глюка	26
<i>Ю. В. Откупщиков (Санкт-Петербург)</i> . Индоевропейские отглагольные прилагательные и формирование балтийских причастий претерита с суффиксом <i>-t-</i>	28
<i>N. Ostrowski (Poznań — Warszawa)</i> . Lietuvių kalbos denominatyvai su <i>-ja-</i>	30
<i>Я. Розенбергс (Rīga)</i> . Проблематика (понимания) развития латышского литературного языка	31
<i>И. А. Сержант (Кёльн)</i> . Некоторые заметки о восточнобалтийском локативе.....	32
<i>N. Taluntytė (Kaunas)</i> . XVIII a. Kauno regiono toponimija: kalbų sąveikos reiškiniai.....	33
<i>A. Trumpa (Rīga)</i> . Latv. <i>vārgs</i> un liet. <i>vargùs</i> semantiskās atšķirības.....	35
<i>I. Urbanoviča (Rīga)</i> . Latviešu literārās valodas stilistiskās diferencēšanās vēsturiskie izpētes avoti	36
<i>I. Jansone (Rīga)</i> . Par kādu neatšifrētu saīsinājumu K. Mīlenbaha un J. Endzelīna «Latviešu valodas vārdnīcā»	38

МАТЕРИАЛЫ
XXXIII Международной филологической конференции

Выпуск 1

СЕКЦИЯ БАЛТИСТИКИ

БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА,
ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Тезисы докладов

5–6 марта 2004 г.
Санкт-Петербург

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99

Авт. л. 2,81. Печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ № ____.

Филологический факультет СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.

ОНУТ филологического факультета СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.